

На правах рукописи

АЗАРОВА Наталья Михайловна

**КОНВЕРГЕНЦИЯ ФИЛОСОФСКОГО И ПОЭТИЧЕСКОГО
ТЕКСТОВ XX – XXI ВВ.**

Специальность 10.02.19 – Теория языка

**АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
доктора филологических наук**

Москва – 2010

Работа выполнена на кафедре русского языка филологического факультета
Московского педагогического государственного университета

Официальные оппоненты: доктор филологических наук, профессор
Демьянков Валерий Закиевич
доктор филологических наук, профессор
Крейдлин Григорий Ефимович
доктор филологических наук
Фатеева Наталья Александровна

Ведущая организация: ГОУ ВПО «Московский государственный
университет им. М.В. Ломоносова»

Защита диссертации состоится « ___ » _____ 2010 г. в _____ часов на
заседании Диссертационного совета Д 002.006.03 в Учреждении Российской
Академии наук Институте языкознания по адресу: 125009, г. Москва, Б.
Кисловский пер., д. 1, стр. 1, конференц-зал.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Института языкознания.

Автореферат разослан « _____ » _____ 2010 года.

Ученый секретарь
Диссертационного совета
кандидат филологических наук

А.В. Сидельцев

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Данное исследование посвящено системному исследованию конвергенции философского и поэтического текстов XX – XXI вв. Говоря о тесной связи философского и поэтического слова, философского и поэтического текстов, в статье со знаменательным заглавием «Философия и поэзия» Г.-Г. Гадамер утверждает: «поэтическая речь, равно как и философская... обладает способностью замыкаться на себя и, материализуясь в отвлеченном “тексте”, быть тем не менее высказываемым как бы автономно, “собственной властью”»¹. Действительно, XX в. характеризуется сближением и взаимопроникновением философского и поэтического дискурсов; философский текст проявляет себя как инотипный текст, в то же время не являющийся антиподом художественного.

Идея близости философии и поэзии фигурировала в философском дискурсе еще в XIX в. Так, А.А. Потебня отмечал как «давно замеченное» «сходство поэзии и философии»². Рефлексия над темой «поэзия и философия», прежде всего «языка поэзии и языка философии», приобрела особое звучание после появления текстов М. Хайдеггера, обосновавшего необходимость подобного сближения. Близости философии и поэзии посвящены также работы Г.-Г. Гадамера, Ж. Деррида, Ж. Делеза, Р. Барта, М. Бланшо, А. Бадью, Ф. Лаку-Лабарта, Ж. Рансьера, Дж. Агамбена и др. В русской культуре XX в. типологическая близость языка философии и поэзии осознается самими философами и поэтами. Высказывания о сходстве, родстве или взаимодействии поэзии и философии, основанном на близости референциальной потенции поэтического и философского слова, присутствуют в текстах С.Н. Булгакова, Вяч. Иванова, Н.А. Бердяева, Л.П. Карсавина, В.В. Розанова, А.Ф. Лосева, В.В. Библихина и др.: «мир, возможно, давно уже взял слово. Он говорит языком поэзии и философии. Мы плохо понимаем их язык»³; «следует обратиться к анализу совокупности рефлексивных отношений, которые связывают Dichten и Denken, одновременно их разделяя»⁴. С точки зрения философов, близость философии и поэзии основывается на сходном понимании слова, однако конвергенция философского и поэтического текстов связана не только с интерпретацией слова, но и выявляется на всех уровнях языка. В то же время философами особо выделяются тексты, представляющие собой «пограничные» явления: так, статья В. Розанова называется «На границах поэзии и философии».

Конвергенция философского и поэтического текстов также является одной из парадигм развития поэзии XX в. Такой феномен русской культуры 30-х годов XX в., как кружок обэриутов («чинарей»), выдвинул в качестве одной из

¹ Гадамер Г.-Г. Актуальность прекрасного. М., 1991, с. 117.

² Потебня А.А. Мысль и язык // Потебня А.А. Слово и миф. М., 1989, с. 181.

³ Библихин В.В. Язык философии. М., 2007, с. 371.

⁴ Подорога В.А. Выражение и смысл. М., 1995, с. 253.

своих основных задач сближение философии и поэзии: «В разговоре с Липавским Введенский сказал: “...Я посягнул на понятия, на исходные обобщения, что до меня никто не делал. Этим я провел как бы поэтическую критику разума, более основательную, чем та, отвлеченная («Критика чистого разума» Канта)”»¹.

Таким образом, близость, непротиворечивость и взаимовлияние языка философии и поэзии на протяжении XX в. стали очевидным и осознаваемым феноменом языка и культуры, который, однако, не получил должного освещения в лингвистике. Действительно, в лингвистических работах (в частности – по лингвопоэтике и теории текста) мы находим лишь отдельные наблюдения, так или иначе связанные с этой проблематикой (в работах Ю.С. Степанова, Вяч. Вс. Иванова, Н.Д. Арутюновой, О.Г. Ревзиной, В.П. Григорьева, В.А. Лукина, Н.А. Николиной, Л.М. Грановской и др.).

Необходимость системного описания конвергенции философского и поэтического текстов, которая действительно имела и имеет место в истории словесности, определяет **актуальность** выявления теоретических оснований сближения языка философских и поэтических текстов и изучения активных параллельных процессов в них.

В лингвопоэтике существует устойчивый интерес к выделению типологических признаков языка поэзии. Подобный подход представляется **актуальным** и по отношению к философским текстам, и к сопоставлению философских и поэтических текстов. Таким образом, **актуальность** данной работы обусловлена возросшим в современной лингвистике интересом к сопоставительному изучению текстов разного типа, необходимостью исследования факторов, влияющих на динамику языка философской речи и поэтической речи, а также необходимостью рассмотреть развитие философских и поэтических текстов XX – XXI вв. в их взаимосвязи. Кроме того, актуальность исследования обусловлена особым вниманием к изучению проблемы межуровневого взаимодействия в различных типах текста.

Объектом исследования является конвергенция философского и поэтического текстов XX – XXI вв. Под *конвергенцией* философских и поэтических текстов в работе понимается образование зон «схождения» на разных языковых уровнях, что предполагает процессуальность и обратимость взаимодействия текстов, обнаружение параллельных явлений в их развитии, наличие общих оснований для сближения, а также появление синкретичных и пограничных текстов. Термин *конвергенция* (от *лат. convergo*, -ere – склоняться друг к другу, сходиться в одной точке, стремиться к одному центру, переходить друг в друга) носит общенаучный характер и представляется адекватным для задач данного исследования.

¹ «Сборище друзей, оставленных судьбою...». «Чинари» в текстах, документах, исследованиях. М., 2000, с. 334.

Предмет исследования. Работа посвящена системному исследованию конвергенции философского и поэтического текстов на всех уровнях языка, предполагающему и наличие межуровневого анализа. Анализируются прежде всего русские тексты XX – XXI вв., так как именно в этот период данное явление приобретает регулярный, системный характер.

Исследование конвергенции на уровне текста предполагает ограничение предмета исследования только механизмами и областями конвергенции в письменных поэтических и философских текстах, в том числе отдельных работах философов независимо от размера (статьи, трактаты, книги), а также в философских дневниках, переводных текстах (за исключением диссертационных исследований и иных кодифицированных текстов). Как проявление конвергенции, в работе также специально рассматриваются синкретические и пограничные тексты, то есть те тексты, которые подразумевают достаточно широкую и размытую границу между понятиями *философский текст* и *поэтический текст*.

Цель работы – выявить и описать основные области, направления и механизмы конвергенции философского и поэтического текстов XX – XXI вв.

Эта цель обусловила следующие **задачи работы**:

1. Выявить теоретические основания для сближения философского и поэтического текстов.
2. Выделить типологические признаки языка философских текстов XX – XXI вв. и представить описание языка философии как подсистему национального языка.
3. Определить характер и направления конвергенции русских философских и поэтических текстов XX – XXI вв.
4. Рассмотреть конвергенцию философских и поэтических текстов в области словообразования и грамматики и выявить общие активные процессы в грамматике и словообразовании философских и поэтических текстов.
5. Проанализировать взаимодействие поэтических и философских текстов на лексико-семантическом уровне, определить модели и пути конвергенции.
6. Рассмотреть конвергенцию текстовых структур.
7. Рассмотреть роль конвергенции философского и поэтического текстов в формировании отдельного идиостиля.
8. Описать особенности синкретических и пограничных текстов, а также философского комментария к поэтическому тексту.

В задачи исследования не входит полное описание всех типологических особенностей русского философского текста, а также полное перечисление и описание всех возможных областей конвергенции философских и поэтических текстов.

Теоретической базой исследования послужили классические и современные работы по изучению типологии и взаимодействия различных

типов текста (Ж. Женетт, Ю.С. Степанов, В. Дресслер, Р.-А. Богранд, Т.М. Николаева, В.З. Демьянков, А.А. Кибрик и др.), межтекстового взаимодействия (М. Риффатер, Р. Барт, К.Ф. Тарановский и др.), а также переходных текстовых структур (Б.В. Томашевский, М.Л. Гаспаров, Ю.Б. Орлицкий). Большое внимание уделяется работам по изучению поэтического языка, в которых успешно применяются лингвистические методы исследования (Р.О. Якобсон, Г.О. Винокур, В.В. Виноградов, Вяч. Вс. Иванов, В.Н. Топоров, Ю.И. Левин и др.), переосмысленные на современном этапе в применении к языку философского и поэтического текстов и их взаимодействию. В частности, продуктивными для диссертации теоретическими исследованиями стали труды, в которых разрабатываются методологические основы анализа языка поэзии и художественных текстов, а также лингвистической герменевтики (Г.-Г. Гадамер, В.П. Григорьев, А.К. Жолковский, Е. Фарыно, С.Т. Золян, О.Г. Ревзина, М.И. Шапир, Н.В. Перцов, И.А. Пильщиков и др.).

Важными в теоретическом аспекте представляются работы по изучению лексического и грамматического уровней поэтического языка и авторских индивидуальных стилей (Я.И. Гин, Н.А. Кожевникова, И.И. Ковтунова, Л.В. Зубова, Н.А. Фатеева, Н.А. Николина и др.).

Методы исследования. Философы утверждают, что «возможности собственно логического подхода к анализу философского текста заведомо ограничены»¹. Поэтому более продуктивным представляется лингвопоэтический метод (термин, вошедший в научное употребление после работ В.П. Григорьева), который в данной работе применяется не только к анализу поэтических текстов, но и к анализу философских текстов, и к явлению межтекстового взаимодействия. Под лингвопоэтическим методом понимается выявление мотивированности языковых единиц всех уровней в их проекции на целый текст. Как отмечают В.П. Григорьев, О.Г. Ревзина и др., лингвопоэтический метод, являясь в основе своей лингвистическим, подразумевает постоянное соотнесение с более широким методом филологического анализа.

В работе широко используется общенаучный сопоставительный (компаративный) метод. Однако его интерпретация связывается также с «методом категорий», возникшим под влиянием «теории категорий» и подразумевающим, что объекты должны познаваться путем *высвечивания* друг в друге: два объекта или два явления взаимно отражаются друг в друге и выявляют как закономерности каждого, так и их конвергенцию. «Метод категорий», то есть взаимного отражения, взаимных проекций дает возможность выявить взаимную непротиворечивость ряда типологических особенностей двух типов текста, что не могло бы быть определено иными

¹ Алексеев А.П. Философский текст. Идеи, аргументация, образы. М., 2006, с. 15.

методами. Глава I, посвященная типологическим особенностям философского текста, построена на априорном изучении собственно философского текста лингвопоэтическим, лингвостилистическим и структурно-семантическим методами и апостериорном определении типологических особенностей философского текста по принципу категорий во взаимоотношении с поэтическим текстом. Такое описание возможно после сопоставительного анализа, но не как его результат, а на основе использования выработанного метода лингвопоэтики по отношению к иным типам текста (к которым ранее лингвопоэтические методы не применялись). В дальнейшей структуре работы принцип категорий становится приоритетным, и главы II, III, IV построены именно по этому принципу. Таким образом, ни один из типов текста не принимается за первичный, а постулируется их изначальная равнозначность и равноположенность, хотя в конкретных исторических взаимосвязях при прослеживании того или иного явления в данный отрезок времени иногда очевидна первичность одного из типов текста.

Особое значение приобретает метод лингвистического герменевтического комментария текста; используется также метод дескриптивного анализа, особенно в тех случаях, когда речь идет о сингулярных явлениях, значимых для языка, но настолько многопараметровых, что для них нерелевантно создание классификационных систем.

В ходе исследования также применялись прием опроса информантов (ныне живущих русских поэтов и философов) и методы работы с архивными материалами, в частности метод реконструкции текстов по черновикам.

На защиту выносятся следующие теоретические положения:

1. В XX – начале XXI вв. имеет место сближение языка поэзии и языка философии и конвергенция философского и поэтического текстов. Конвергенция поэтического и философского текстов носит регулярный характер и подчиняется определенным закономерностям.

2. Язык философских текстов обладает **целым рядом типологических особенностей**. Семантика и функционирование философских терминов отличны от научных. Философский текст характеризуется определенными типологическими особенностями в грамматике и словообразовании, в частности, собственными словообразовательными моделями. Основными типологическими признаками философского текста являются авторефлексивность, автореферентивность, предельность, неэксплицируемость, антиавтоматизм восприятия, определяющая роль «я-текста», суггестивность. Философский текст, обладая **самостоятельным статусом**, равноположен другим видам текста, таким, как художественный или научный.

3. Конвергенция философского и поэтического текстов обусловлена, с одной стороны, непротиворечивостью основных типологических признаков

этих текстов, а с другой – может объясняться сознательной стратегией на сближение философского и поэтического языка.

4. Сближение языка поэзии и философии происходит **на всех языковых уровнях**, обуславливая дальнейшее развитие как языка поэзии, так и языка философии. Конвергенция философских и поэтических текстов проявляется в грамматике, словообразовании, лексике, фоносемантике и структурной организации текста.

5. Зонами конвергенции в области словообразования и грамматики являются семантика и способы выражения отрицания, функционирование предлогов и префиксов, местоименная поэтика, этимологизация, транспозиция грамматических форм и преобразование субъектно-объектных отношений.

Зоны конвергенции философского и поэтического текстов одновременно являются зонами потенциальности для общенационального языка. Активными процессами в области словообразования и грамматики, представляющими потенцию для современного русского языка, являются предложно-префиксальный синкретизм, отсечение валентностей, развитие дефисных и постфиксальных моделей, несклоняемость в местоименной системе.

6. Конвергенция философских и поэтических текстов на лексическом уровне проявляется в основном в освоении поэтическими текстами философской лексики, однако имеет место и самостоятельное, параллельное развитие лексем, подразумевающее различную степень обусловленности (в том числе и обратимой обусловленности) на разных этапах прямого и непрямого взаимодействия текстов. Поэтический текст регулярно осваивает определенные неспециальные философские лексемы.

Конвергенция философских и поэтических текстов на лексическом уровне позволяет выделить три основных пути освоения поэтическим текстом философской терминологии: первый – ее усвоение, акцентирующее терминологичность философской лексемы; второй – апроприация языком культуры популярных философских понятий и их дальнейшая трансляция в поэтический текст; третий – осмысление в поэтическом тексте собственно философского термина как поэтико-философского концепта и развитие на этом основании семантики философского понятия поэтическим словом.

7. На текстовом уровне зонами конвергенции являются структуры заглавно-финального комплекса, приемы ритмической организации философского и поэтического текстов, строфическая организация философского текста, визуально-ритмическая структура оглавления философского текста, графика, использование фоносемантики, структурирование философского текста при помощи поэтического.

8. Конвергенция философского и поэтического текстов может служить определяющей характеристикой индивидуального стиля и коллективного идиолекта.

9. В результате конвергенции появляются **синкретичные и пограничные тексты**: философская поэма, внутритекстовые и самостоятельные стихотворения философов, стихотворения философа с философским комментарием философа, стихотворения поэта с философским комментарием поэта, «записи». Философский комментарий к поэтическому тексту, в отличие от других типов комментария, не представляет собой метатекст, а демонстрирует явление конвергенции философского и поэтического текстов.

Материалом исследования послужили в основном русские поэтические и философские тексты XX – XXI вв., так как именно они наглядно и очевидно демонстрируют явление конвергенции, значимое для развития языка философии и поэзии. Философские тексты представлены всеми значимыми в русской философской словесности именами (от одного до десяти текстов каждого автора), начиная с конца XIX – начала XX в. – времени формирования собственного национального философского языка: это тексты В. Соловьева, Н. Федорова, С. Трубецкого и Е. Трубецкого, Н. Лосского, о. С. Булгакова, И. Ильина, Н. Бердяева, С. Франка, Г. Шпета, о. П. Флоренского, Л. Шестова, В. Розанова, Л. Карсавина, А. Лосева, А. Кожева, Я. Друскина, Л. Липавского, Э. Ильенкова, М. Мамардашвили, Г. Батищева, В. Бибихина, В. Подороги, Н. Мотрошиловой, А. Ахутина и др. Из русских поэтических текстов яркое выражение взаимодействие философского и поэтического языка получило в творчестве Д. Хармса, А. Введенского, Г. Айги, И. Бродского, Л. Аронсона, Г. Сапгира, В. Кривулина, В. Сосноры, Е. Мнацакановой, А. Парщикова, К. Кедрова, В. Аристова, О. Седаковой, А. Монастырского, Е. Шварц, А. Полякова и др. При ретроспективном обращении к текстам поэзии Серебряного Века в работе используется корпус текстов девяти поэтов: А. Блока, М. Цветаевой, В. Хлебникова, Б. Пастернака, О. Мандельштама, В. Маяковского, С. Есенина, А. Ахматовой и М. Кузмина. Необходимо оговорить, что удельный вес примеров из текстов поэзии Серебряного Века сравнительно невелик, во-первых, из-за достаточной изученности самих текстов, хотя и не в аспекте конвергенции, а во-вторых, из-за того, что в начале XX в., так же как и в поэзии XIX в. (Ф. Тютчев и др.), поэтическая речь испытывала в основном влияние иноязычных философских текстов, а о регулярном взаимодействии текстов, написанных на одном языке, как оригинальных, так и переводных, можно говорить начиная с 1920-х гг. Тем не менее, отдельные проблемы конвергенции потребовали более подробного обращения к текстам поэтов Серебряного Века (прежде всего В. Хлебникова, М. Цветаевой, Б. Пастернака, О. Мандельштама). Что касается новейших текстов современной русской поэзии (1990 – 2000-е гг.), то материалом

исследования послужили полные поэтические подборки периодических изданий журналов («Новый мир», «Воздух», «Арион», «Знамя» и др.), поэтические сборники, антологии и интернет-ресурсы, причем достаточно велик удельный вес примеров из текстов ряда молодых поэтов (М. Котова, А. Сен-Сенькова, А. Афанасьевой, М. Гейде, Д. Давыдова, К. Щербино и др.). Особое внимание уделяется текстам современных поэтов с философским образованием, что в истории словесности имеет давнюю традицию.

Кроме того, в работе использовались архивные материалы, прежде всего архив Г. Айги. Обращение к этим материалам определяется задачей исследования идиостиля отдельного автора как отражения конвергенции философского и поэтического текстов.

Особый материал исследования представляют собой философские дневники, комментарии философов к поэтическим текстам, комментарии философов к собственным стихам, философские комментарии поэтов и синкретические философско-поэтические тексты (Н. Федорова, Э. Ильенкова, Л. Карсавина, Я. Друскина, Д. Хармса, Л. Липавского, А. Зиновьева, Г. Айги и др.) – философские поэмы, стихи философов, философско-поэтические записи поэтов.

Для описания параллельных процессов конвергенции философского и поэтического текстов в Европе в качестве материала используются философские тексты Ф. Ницше, М. Хайдеггера, А. Бадью, Ж. Делеза, Ж. Деррида, Х. Ортеги-и-Гассета и др., а также поэтические – П. Целана, С. Малларме, М. де Унамуну, А. Рембо, Р.-М. Рильке, М. Деги, Р. Эго и др. Язык европейских поэтических и философских текстов исследуется в основном в сравнительном аспекте и в случаях межъязыкового взаимодействия: если русские поэтические или философские тексты опираются на тексты западной или классической философии или, наоборот, западные философы в качестве референтного текста используют тексты русских поэтов.

Ряд переводных текстов с точки зрения русского языка трактуются в работе как самостоятельные русские философские тексты – это переводы А. Лосева, В. Библихина, В. Лапицкого, Г. Прохорова и др. Особое внимание уделено анализу тех переводных текстов, которые послужили источником развития национального философского языка и его проекции на поэтический язык, например, перевода на русский язык «Феноменологии духа» Г.В.Ф. Гегеля Г. Шпетом и французских лекций А. Кожева о Гегеле.

Апробация результатов диссертации. Материалы диссертации обсуждались на общероссийских и международных научных конференциях и симпозиумах, в их числе: Международная научная конференция «Творчество Г.Айги в контексте мировой культуры XX века». М., 2004; Международные научные конференции «Творчество Г. Сапгира и русская поэзия конца XX века». М., 2005, 2006, 2007; Международная научная конференция ИРЯ

им. В.В. Виноградова РАН «Художественный текст как динамическая система». М., 2006; 6-я Всероссийская научная конференция Института языкознания РАН «Язык и мышление. Психологический и лингвистический аспекты». М., 2006; Научная конференция МГУ им. М.В. Ломоносова «Проблема текста в гуманитарных исследованиях». М., 2006; Конференция «Велимир Хлебников. “Доски судьбы” и вокруг: эвристика и эстетика». М., 2006; Международная научная конференция ИРЯ им. В.В. Виноградова РАН «Лингвистика и поэтика в начале третьего тысячелетия». М., 2007; XI конгресс МАПРЯЛ «Мир русского слова и русское слово в мире». Болгария, Варна, 2007; Международная научная конференция «Русский авангард и идеология». Сербия, Белград, 2007; Международная конференция МАПРЯЛ «Русский язык и литература в международном образовательном пространстве: современное состояние и перспективы». Испания, Гранада, 2007; III Международный конгресс исследователей русского языка «Русский язык: исторические судьбы и современность». М., МГУ им. М.В. Ломоносова, 2007; Международная конференция Института языкознания РАН «Логический анализ языка. Ассерция и негация». М., 2007; Международная конференция «Густав Шпет и его наследие. У русских истоков структурализма и семиотики». Франция, Бордо, 2007; Научная конференция Института языкознания РАН «Творчество вне традиционных классификаций гуманитарных наук». М., 2008; Международная конференция МПГУ «Активные процессы в современной грамматике». М., 2008; Научная конференция МПГУ «Актуальные проблемы лингвистической науки». М., 2008; X Международные Хлебниковские чтения «Творчество В. Хлебникова и русская литература XX века: поэтика, текстология, традиции». Астрахань, 2008; Международная научная конференция «Литературно-художественный авангард в социокультурном пространстве российской провинции: история и современность». Саратов, 2008; Фестиваль «Айги-Фест: День присутствия всех и всего». Чебоксары, 2008, 2009; Международный научный семинар ИРЯ им. В.В. Виноградова РАН «Язык как медиатор между знанием и искусством». М., 2008; Научная конференция РГГУ «Феномен заглавия». М., 2009; Международная конференция МПГУ «Активные процессы в различных типах дискурсов». М., 2009; V Международная научная конференция «Проблемы поэтики и стиховедения». Казахстан, Алматы, 2009; Международная научная конференция «Логический анализ языка. Лингвофутуризм. Взгляд языка в будущее». М., 2009; Международная научная конференция «Русский авангард и наука». Сербия, Белград, 2009; Международная научная конференция «Имидж – диалог – эксперимент. Поля современной русской поэзии». Германия, Трир, 2010.

По теме диссертации опубликовано 63 работы общим объемом более 101 п.л., из них 13 статей в изданиях, рекомендованных ВАК, общим объемом 9,15 п.л. В числе работ две монографии.

Научная новизна работы обусловлена недостаточной изученностью проблемы взаимосвязи языка поэзии и философии. Новизна исследования состоит также в том, что в нем выделены, описаны и обобщены типологические особенности (признаки) философского текста. Системного исследования языка философских текстов до сих пор не проводилось; основное внимание при анализе текстов русских философов уделялось их «философии языка» (работы Ю.С. Степанова, В.И. Постоваловой, Л.А. Гоготишвили и др.); кроме того, в немногочисленных работах по языку отдельных философов преимущественно рассматривались различные типы метафор и символов, а также описывались некоторые лексические группы (работы Л.М. Грановской, Б.Л. Борухова, Л.Л. Шестаковой, Е.В. Сергеевой, С.Н. Стародубец и др.).

Анализ конвергенции выявляет необходимость новой трактовки и выявления новых грамматических процессов. В связи с этим в работе впервые описан целый ряд активных процессов современной грамматики, имеющих место в философских и поэтических текстах: некоторые типы отрицания (скользящее, встроенное и др.), актуализация предложно-префиксального синкретизма, несклоняемость личных местоимений (*ты, Ты* и др.), взаимодействие причастий на *-ем / -им* с личными формами глаголов 1-го л. мн. ч., показана концептообразующая функция отбрасывания лишних валентностей. Впервые описан также ряд явлений в области словообразования философских и поэтических текстов: прослежено формирование дефисной модели, описаны ее семантика и функционирование, выявлены собственные словообразовательные модели философских текстов, например активная постфиксальная модель.

В работе также впервые показано сближение текстовых структур философских и поэтических текстов и выявлены основания для этого сближения.

Теоретическая значимость работы определяется тем, что в ней выделены типологические признаки философского текста; выявлены лингвистические основания конвергенции философского и поэтического текстов; произведено описание взаимодействия философского и поэтического языков как подсистем национального языка. Теоретическая значимость исследования заключается также в развитии теории и методологии лингвопоэтики применительно к нехудожественным типам текста; в разработке приемов и методов анализа межтекстового взаимодействия на разных уровнях; в выявлении активных процессов, значимых для русского языка на современном этапе его развития.

Практическая значимость. Материалы и полученные результаты могут применяться в курсах и учебных пособиях по стилистике и лингвистической

поэтике. В результате их использования можно обозначить новые отдельные разделы в области лингвостилистических и лингвопоэтических исследований, такие, как *стилистика философского дискурса* и *поэтика философских текстов*.

Результаты исследования могут быть использованы и в лексикографической практике. Актуальной задачей современной лексикографии представляется расширение иллюстративного материала словарей за счет включения конкретных примеров из русских философских текстов.

Результаты исследования имеют также практическое значение при комментировании текстов и работе с архивными материалами поэтов и философов: так, в ходе работы уже были реконструированы и опубликованы материалы архива Г. Айги, в том числе и его «записи», представляющие собой синкретические поэтико-философские тексты.

Работа может иметь важное значение и для теории и практики перевода как философских, так и поэтических текстов. Одним из практических результатов исследования является перевод (совместно с М. Титовой) книги А. Бадью «Век», включающей перевод стихотворения П. Целана «Анабасис».

Структура и объем работы. Работа состоит из введения, четырех глав, заключения и библиографии. Главы разбиты на параграфы, внутри отдельных параграфов обозначены подпараграфы. Во **Введении** определяются все формальные и содержательные параметры исследования; в **Главе I** выявляются типологические особенности языка русских философских текстов XX – XXI вв.; **Глава II** посвящена конвергенции философских и поэтических текстов в области словообразования и грамматики; в **Главе III** конвергенция философских и поэтических текстов рассматривается на лексическом уровне; в **Главе IV** анализируется конвергенция текстовых структур; в **Заключении** излагаются основные результаты исследования. Общий объем диссертации 850 страниц.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** определяются цель и задачи исследования, его актуальность и научная новизна, характеризуются основные методы работы, кратко рассматривается история вопроса, обосновываются принципы отбора материала.

В **первой главе** выделяются типологические особенности философского текста XX – XXI вв. и определяются основания для сближения философских текстов с поэтическими; определяется статус философского текста, в частности по отношению к научному и художественному текстам, анализируются признаки и виды философских терминов и философской лексики. В главе также специально рассматриваются особенности словообразования, грамматики и структурной организации философского текста.

Философия является самостоятельным видом духовной деятельности человека, подразумевающей особый статус существования языка, отличный от языка науки. В рамках лингвостилистики и лингвопоэтики философские тексты необходимо рассматривать самостоятельно, а не в составе научного стиля речи.

Язык философских текстов представляет собой подсистему, которая формируется внутри общенационального языка с целью обнаружения ранее не найденных в системе потенциалов мысли и обладает собственной нормой (исторической), находящейся в постоянном динамическом взаимодействии с нормой литературного языка. Потенциальность по отношению к языку философских текстов можно понимать и как актуализацию заложенных в общеязыковой системе механизмов и отношений, а с другой стороны – как возникновение вербальных форм, представляющих собой новую сферу потенциальности для общенационального языка.

Философский дискурс – это дискурс, находящийся в постоянных поисках своих закономерностей и оснований. Философский текст регулярно продуцирует развернутую рефлексию над собственными кодами. Любой дискурс может быть встроен в философский текст, так же как и в художественный. Философский текст – это «авторский текст», то есть текст с подчеркнутым авторством. Он характеризуется особым режимом межъязыкового взаимодействия. Для философского текста характерна установка на целостность, которой определяется, в частности, режим цитирования, коренным образом отличающийся от принятого в научном тексте.

В качестве типологических особенностей организации философского текста XX – XXI в. в работе выделяются и анализируются антиномичность, авторефлексивность, автореферентность, предельность, неэксплицируемость (философский текст плохо поддается операции редукции как изложению основной мысли, выделению темы или структурированию инварианта нескольких текстов), суггестивность, тавтологичность. Типологическими особенностями философского текста являются также антиавтоматизм восприятия, определяющая роль «я-текста» (в частности предпочтение экзистенциального *я* обобщенному *мы*) и т.д. Структура, семантика и функция предисловия и даты в философских текстах переосмысляются на основе организующей роли обращенного «я-текста».

Для философского текста характерно также установление принципиально иного типа связности, что подразумевает стратегию избавления от метаслов и развернутых причинно-следственных построений; синтаксис становится менее кодифицированным, но и менее прозрачным; устанавливаются многонаправленные нелинейные связи при помощи сложных повторов, тавтологичности, изоморфизма и т.д. Философский текст активно разрабатывает семантику и формы тавтологии, при этом регулярно используются разные виды корневого повтора типа *бытие бытийствует* или

бытийствующее бытие, смысл смысла и др.: «**“верующая” вера**» (И. Ильин); «**неведающему неведению**», «**Божество не есть, а “божествует”**» (С. Франк); «**Диалектика есть дискурсия дискурсии**», «**Он есть и сущность сущего... и форма в формах, как основа форм... и мудрость мудрствующих, и вообще все во всем**» (С. Булгаков); «**Буржуазный мир буржуазного мира**» (Н. Бердяев); «**Саморазъединение “я” есть уже и его пространственность... Совершенное “я”, познавая себя, пространствует не только в смысле полного (до смерти!) саморазъединения... Следует говорить о “логическом пространстве”, т.е. логически пространствующем “я”**» (Л. Карсавин).

Онтологизм и экзистенциальность как характеристики русской философии в какой-то степени сами определяются особенностями системы русского языка – например, детерминированностью в русском языке понятий *сущности* и *существования*, их этимологической и семантической взаимосвязью, актуализирующей онтологическую идею: «**Вопрос же, почему *сущее существует*, – вопрос, очевидно, неестественный, совершенно искусственный**» (Н. Федоров), а также детерминированностью идеи экзистенциальности взаимосвязью понятий *бытие* и *событие* и возможностью переосмысления внутренней формы *события* как *со-бытия*: «**Единственное *бытие-событие* [...] не мыслится, а есть**» (М. Бахтин); «**со-бытии-поступке**» (Г. Батищев); «**существование всегда “со-бытийно”**» (М. Мамардашвили); «**со-здесьбытие**» (А. Михайлов). С другой стороны, они определяют типологические особенности языка русской философии: онтологизм – активную концептуализацию, транспозицию, субстантивацию, ключевую роль имени, этимологизацию, внимание к внутренней форме слова; экзистенциальность – роль «я-текста», концептуализацию дейксиса и ключевую роль местоимений, использование бытовой и конкретной лексики, конкретных пространственных и временных обозначений, обращенность, адресность философского текста.

Подчеркнутая экспрессивность – это черта идиостиля отдельных философов, а не типологическая характеристика философского текста в целом.

Философские термины, в отличие от научных, многозначны, характеризуются «неотрывом» от нетерминологического значения, обладают аксиологическим потенциалом, имеют непредметный характер, плохо поддаются так называемой «тематизации»; для них, как и для поэтического слова, характерна относительная переводимость. Философский текст не пользуется готовыми терминологическими определениями, каждый текст стремится заново определить даже известные, традиционные философские термины. Важным свойством философского термина является его определяемость целым текстом (см., например, термин *непостижимое*, вынесенный в заглавие работы С. Франка).

Авторские философские термины – это термины, актуализирующие в настоящее время связь с текстом именно этого философа: *непостижимое, мочь*

С. Франка, *беспочвенность, начала и концы* Л. Шестова, *всеединство* В. Соловьева, *братство, музей, школа, собор, отцы* Н. Федорова, *самое само* А. Лосева, *иногда* Л. Карсавина, *это и то* Я. Друскина и др.

Режим функционирования философского термина в тексте определяется свойством *недоопределенности*, то есть «становящейся определенности», где предел раздвигается по мере приближения к нему, что, не исключая целостности и законченности текста, также оставляет возможность продолжения определения в следующем тексте или в текстах других философов. Для философского текста характерны сохранение авторства понятий и соотнесенность каждого нового словоупотребления с целым рядом прецедентных текстов. Актуализация предыдущей авторской семантики при новом определении понятия обозначается в работе термином «оставить». Термин *оставить* отражает одновременное сохранение авторской семантики термина предыдущих философских текстов и отказ от нее при введении данной лексемы в систему собственных терминов (например, термин *разум* П. Флоренского постадийно «оставляет» кантовский *разум* и *разум* В. Соловьева). Философский термин должен *оставить* семантику предыдущих философских текстов, сохранить полный семантический объем («живого слова») и прирастить новые, но не окказиональные, а потенциальные общеязыковые значения. Задача философской лексемы – это выдвигание нормативного слова как наличного языкового материала в такие позиции, при которых слово, актуализируя («оставляя») все прежние (авторские) употребления в философских текстах, тем не менее, мыслится как потенциальное.

Философский текст отличается целым рядом типологических особенностей словообразования, в том числе собственными словообразовательными моделями, например, в русском языке это отместоименные модели на *-ость* (*этость, чтотость*), дефисная модель с *не-* (*не-отношение*), постфиксальные (и послеложные) модели типа *бытие-для* и др.

Наиболее характерной моделью философского текста XX – XXI в. является модель образования дефисных комплексов: «для-себя-становление» (Г.В.Ф. Гегель, перев. Г. Шпета); «мне-подобного-не-я» (С. Франк); «принимающее-допускающее-вмещающее» (В. Бибихин). На протяжении всего XX в. наблюдается возрастание количества моделей дефисных образований, рост их продуктивности и усиление их роли в русском философском тексте, расширение круга их лексических составляющих вплоть до снятия лексических ограничений. Дефисные образования различного типа становятся нормативными для современного русского философского текста. Эта модель философского текста оказала и оказывает влияние на развитие дефисных образований в других типах текста, прежде всего в поэтических.

Философские тексты демонстрируют целый ряд типологических особенностей в грамматике. Для них характерны переосмысление частеречной принадлежности, категорий лица, числа, рода (актуализируется оппозиция «средний род – мужской род»), местоименная ориентированность, переосмысление субъектно-объектных отношений в разных грамматических формах, трансформация управления: «Солнце... оно присутствует в нем, говорит о себе, точнее, **говорит себя** в человеке», «допущение мыслей без слов, мыслей, **обнаженных от слов**», «Но слово, **которое я думаю или которым думаю**» (С. Булгаков); актуализация семантики несклоняемости (*я, ничто*); абсолютизация связи *есть*: «Если что-либо есть, то **Сейчас есть**» (Я. Друскин); развитие особых форм отрицания, функционирование грамматических парадигм как средства репрезентации понятия: «я-совершенный всегда есть чрез “**был-буду**”, чрез свою смерть» (Л. Карсавин); «этот момент “**моего**”, “**ко мне**”, “**со мной**” уже предполагает понятие “я”» (С. Франк). Тексты свидетельствуют также об эксплицированной и имплицированной грамматической рефлексии философов.

Характер частеречных трансформаций определяется именной ориентированностью как типологической чертой русского онтологического философского текста, причем субстантиваты выражают семантическую потенцию имени более, чем собственно существительные. В философском тексте активно субстантивируются все части речи; таким образом, любая часть речи, в том числе служебная, а также любая грамматическая и словообразовательная морфема является потенциальным именем, может потенциально концептуализироваться философским текстом и превращаться в понятие: «Но это “**что**” еще не есть безусловное “**для чего**”» (Е. Трубецкой); «абсолютно непознаваемое и вышебытийное “**Сверх**”» (А. Лосев); «вещь есть “**также**”» (Г.В.Ф. Гегель, перев. Г. Шпета); «Философское безусловное **надо**» (В. Биbihин); «моим, каким-то **нельзя**, которое я признаю» (Я. Друскин); «Однако “**может быть**” обладает не меньшею реальностью, чем “**есть**”» (Л. Карсавин).

Субстантивированные прилагательные и причастия среднего рода можно считать типологической чертой русского философского текста, особенно первой половины XX в.; субстантиваты на *-ое*, совмещая предикативность и номинативность, стремятся занять промежуточное положение между термином и нетермином. Если отадъективные образования на *-ость* призваны репрезентировать *идею* (эйдос), феномен, то субстантиваты на *-ое* стремятся «уловить» сущность, не превращая ее в понятие: «**Родное и вселенское**» (Вяч. Иванов), «Ведь **невыразимое** если и может быть выражено, то только так, чтобы оно вместе с тем оставалось и не выраженным» (А. Ванеев).

Философские тексты демонстрируют целый ряд характерных особенностей в области метаграфемы и фоносемантики, многие из которых объясняются взаимодействием с поэтическими текстами.

Целый ряд отмеченных типологических особенностей философского текста одновременно является основанием для сближения философского и поэтического текстов. Кроме того, философские и поэтические тексты сближаются на основании стратегии, направленной на поиск онтологических референциальных взаимоотношений человека и мира, на борьбу с абсолютной детерминированностью мышления системой языка, его конвенциональными и когнитивными структурами, на максимальное выявление потенций языковой системы и актуализацию творческого начала и авторского характера текста.

Стремление найти адекватное словесное выражение новой категории ведет к осознанию недостаточности существующих в национальном языке форм для выражения этой категории и к созданию новых средств, компенсирующих отсутствие конвенциональных форм. Осознание недостаточности конвенциональных языковых средств и переосмысление форм выражения, выработанных предыдущими философскими текстами, в том числе собственными, являются основанием для сближения философских текстов с текстами авангардной поэзии.

Основаниями для сближения философских и поэтических текстов являются также актуализация семантической мотивированности грамматических, словообразовательных, фонетических и других ресурсов языка, признание эстетической функции слова и текста, значение эвристического момента называния «живым» словом, автореферентивность и авторефлексивность, некоторые признаки связности по типу поэтической, в частности образование вертикальных связей и подчеркнутый изоморфизм, антиавтоматизм, предопределяющий критерий длительности и многократности прочтения текста, непрозрачность и суггестивность текста.

Во **второй главе** конвергенция рассматривается в области словообразования и грамматики; выделяются следующие основные зоны конвергенции философских и поэтических текстов, демонстрирующие одновременно активные процессы в языке: формы и семантика отрицания, система местоимений, субъектно-объектные трансформации, в частности в причастиях, семантика и функционирование префиксов и предлогов, дефисные образования, этимологизация и др.

Тенденция к обособлению **префиксов и предлогов** и их концептуализации, основанной на трактовке предлога и префикса как приоритетно семантически нагруженных элементов текста – одна из основных грамматических тенденций философских и поэтических текстов второй половины XX в. Философский и поэтический тексты не просто обращают внимание на понятийный потенциал предлога-префикса – семантика префикса часто оказывается не менее

значимой, чем семантика целой лексической единицы. Префиксы и предлоги тяготеют к превращению в номинацию определенного понятия, особую роль при этом приобретает механизм актуализации их центрального значения: *сверх-осознания взрывом; сверх-будущее* (А. Иличевский); «Вечность лежит не за временем или *после* времени, но наряду с ним, *над* временем» (С. Булгаков); «бестелесная душа существует сама по себе, независимо от тела, “до” и “после” случайного соединения с ним» (Л. Карсавин); *превосходя и зренье / (как нечто «до» – при зарождении света!); Видение. Операция – «на» духе – глазами* (Г. Айги); *Хорошо гулять по небу, / что за небо! что за ним?* (Л. Аронзон) «*про*»-и-«*от*»-утерянная листва (Ю. Милорава); «Не писать, а именно *пере*-писывать» (В. Подорога); «Находится (*из*-обретается) “место”», «*из*-нотра» (А. Ахутин); *когда кто-то уходит навеки «из»* (К. Кедров);
он видит как бы тринадцать первых штатов, он видит: из

*труб поднимается дым. Но как раз число
труб подсказывает одинокой
птице, как поднялась она* (И. Бродский).

Концептуализируются в основном первообразные предлоги *из, от, за, до* и т.д., именно они выступают в качестве ключевых и текстообразующих слов. Кроме того, часто концептуализируются предлоги-префиксы *с- / со-, пред- / перед-, о-, при-, про-, без- / бес-, у-, сверх-, над-, в-*.

В XX – XXI вв. **обособление префикса** становится одним из чрезвычайно активных процессов: «о-граничить, о-предметить, отличить ото всего прочего» (А. Лосев); «род “за-умного языка”, как воплощение за-словесной силы звука» (П. Флоренский); «сама мысль... за-предметна, ей нельзя дать предмет» (М. Мамардашвили); «до-пороговые зоны каждого, а вместе с тем также и за-пороговые» (Г. Батищев); «дать вы-явиться или про-явиться бытию» (М. Соболева); *у-странение и от-странение* (П. Барскова); *за / будем / тихо / над / матерью / за / будем / тихи / митрава / ми за ма / терью не / бес* (Е. Мнацаканова).

Для философского текста характерно присоединение предлогов в постпозиции, то есть употребление их как **послелогов**. Оно сопровождается отсечением лишних валентностей и семантическим обособлением предлога-префикса-послелога, а также включением семантики послелога в сложную семантику именного комплекса (*свобода от, свобода в, свобода для, понятие-о, бытие-при*). Послелог предполагает **перенос (инкорпорирование) семантики предлога в значение имени** (именного комплекса), или вбирание онтологически ценной валентности в имя, то есть номинализацию отношения как такового; ср.: «чистом “рывке-к”» (А. Бадью, перев. Д. Скопина), «абсолютно трансцендентен для» (С. Булгаков), «Один удаляется-от, другой

сближается-с» (В. Подорога). Поэтический текст не столь радикален в использовании послелогов, как философский, однако сходный процесс можно считать актуальным и для него, особенно если принять во внимание явление анжамбемана.

На разных этапах исторического развития и взаимодействия философского и поэтического текстов семантизация и концептуализация определенных предлогов-префиксов устойчиво связывается с разными понятиями, но не исчерпывается ими, при этом возможна и понятийная контаминация. Обособление и концептуализация такого префикса, как *со-*, становится нормой философского текста конца XX – начала XXI в., что оказывает влияние на язык современной поэзии: «**Со-звучие** и **со-гласие**» (Е. Трубецкой); «в роли *со-значения*» (Г. Шпет); «**со-прикосновение**» (В. Подорога); «от дерева познания, каковое – предел дерева, со-общающий(ся) с небом» (В. Лапицкий); *со-страданье, со-пребыватель* (Г. Айги); *не соотносится / не со о / РАСХОДИТСЯ* (А. Черкасов).

Философские и поэтические тексты, конвергентные философским, демонстрируют явный **синкретизм** предлога и префикса. Интуиция философов и поэтов основана на восприятии «омонимичных» префикса и предлога как единого слова-морфемы, которое мыслится как заданная совокупность, понимаемая как целое и позволяющая продемонстрировать диалектику понятия: «отставание, от-стояние от события мира» (В. Бибихин); *Что было до небытия? До донебытия? До додонебытия? До дододонебытия?* (Л. Аронзон); *мальчикизмальчикизмальчикизовиз // меня стих* (М. Котов); «**Со-знать...** выразить “с-мысл” переживаний и восприятий других людей, которые тут же рядом **со мною...** Предполагаемый **с-мысл** всякого **сознания** есть абсолютное **сознание**» (Е. Трубецкой); «если бы наряду с Ним, но **вне** Его, был бы **вне-бог** или **противо-бог**» (С. Булгаков); *Без-словье и без-звучие; в небе одном / из без-смыслов – едином!* (Г. Айги); «Субъект... не **пред-**существует процессу. Он абсолютно не существует в ситуации “**перед**” событием (А. Бадью, перев. В. Лапицкого); *Про странство / ... / Моё пространство – как яйцо на нитке, / Моё пространство – как лицо на ветке, / ... / Вышвыривает, и наполовину / Укромно оставляет про себя?* (Е. Риц). Экспликация предложно-префиксального синкретизма устойчиво включается философами в толкование понятий, причем степень слитности / раздельности, как и в поэтическом тексте, постоянно варьируется.

Конвергенция философских и поэтических текстов XX – начала XXI в. очевидна и в осознании особого статуса **семантики отрицания**, что влечет за собой рефлексивность над конвенциональными формами отрицания: «Утверждая, что оно может быть не-личным, мы еще не утверждаем его безличности, мы только допускаем, что оно может быть и сверличным» (Г. Шпет). На первый план выдвигается развитие семантики и форм онтологического отрицания,

положительного отрицания, апофатического отрицания и **скользящего отрицания**. Параллельный и взаимообратимый процесс находит отражение в концептуализации отрицания и, в частности, концептуализации *не-* как самостоятельного понятия, в поиске дополнительных форм отрицания, а также в актуализации способов выдвижения отрицания в сильную позицию. Основным механизмом концептуализации *не* является его абсолютное употребление и субстантивация, однако в поэтическом и философском текстах возможна концептуализация и предикатного *не*, что регулярно сопровождается графическими средствами: «Незримая нить этого положительного, трансцендирующего “не”... превращается в замыкающее, абсолютно обособляющее “не” – в “не” как абсолютное разделение» (С. Франк); «голое НЕ», «вечное НЕ» (С. Булгаков); *было трещиной на скале никакая не* (А. Ровинский); «Бог есть **НЕ-что** (и **НЕ-как**, и **НЕ-где**, и **НЕ-когда**, и **НЕ-почему**)», «Оно есть НЕ-кто и НЕ-что, а потому и вообще НЕ-есть» (С. Булгаков); *Себя как их Не жаль* (Г. Айги); *я Есенин я умер мне страшно мне не* (А. Санников). Концептуализация отрицания в поэтическом и философском тексте не ограничивается словообразовательными и грамматическими ресурсами, но предпринимаются различные попытки усиления позиции отрицания в тексте, придания отрицанию текстообразующей роли; это, прежде всего, конечное отрицание (конечное *не*), рамочное отрицание как ограничение отрицанием, в том числе микропалиндромическим, положительного семантического поля, а также окказиональные конструкции с отрицанием в постпозиции: *теряющих тишину сегодня как сегодня не праздник не показать не* (А. Уланов).

Развитая модель дефисного отрицания *не-* с регулярным появлением дополнительного ударения на форманте *не-* позволяет расшатать семантику прямого отрицания, маркировать онтологизм отрицания и концептуализировать сам формант *не-*. Термин *не-я* получил статус общефилософского термина, вошедшего в язык; на его основе в философских и поэтических текстах создаются множественные отместоименные поэтико-философские концепты, варьирующие термин семантически и графически.

Семантика *скользящего отрицания* представляется развитием семантики отрицания как динамического выражения присутствия утверждения в отрицании и отрицания в утверждении, или передачи семантики постоянно убывающего и прибывающего отрицания и утверждения: *не-скрыто-не-раскрыто*; *не-действующей детскостью* (Г. Айги); *Ты был ты не был здесь не каждым / и медленно отдельно под уклон* (В. Аристов); *наконец убеждаешься не-упасть*, (М. Степанова); «не-покой», «не-становление» (А. Лосев); «последовательное не-самоутверждение» (Г. Батищев); «додумывает и при-думывает именно там, где он *не-до-внял* предмету» (И. Ильин). Способами актуализации семантики *скользящего*

отрицания являются конструкции со «средним термином» (*быть не быть*), вариации форманта *недо-*, метаграфические средства, взаимодействие форм *есть* и *нет* в тексте, трансформация *ничто* и *ничего* в конструкциях, содержащих колеблющийся объем отрицания, поиск дополнительных формантов, которые могут взять на себя задачу передачи усложненной семантики отрицания (*ме-* и *а-*). Формант *а-* в русских поэтических и философских текстах обладает спецификой по отношению к общеязыковой семантике, реализуя идею абсолютного (положительного) отрицания.

Встроенное отрицание – это тип «отрицательной константы» как выявления отрицательной семантики в слове, не имеющем отрицательного лексического словарного значения, или в неотрицательной словоформе. Наличие встроенного отрицания определяется формальным присутствием в слове (словоформе) сегмента, омонимичного отрицательному форманту *не*, и устойчивым попаданием данного слова или словоформы в отрицательное семантическое поле. К устойчивым встроенным отрицаниям в русском поэтическом языке необходимо отнести, например, отрицание в словах *небо* и *снег*: *когда в окне светлеют не / дома не окна не в окне – / бо видит небо перемену* (Г. Сапгир); *нет ничего, что не снег* (М. Котов); *Но из всех отверстий земли и неба / Прибывает то, что есть, и то, чего нету, / Прибывают гости на свадьбу безмянного света / Безмянного света и безмянного снега* (М. Гронас); *Как снег, которого здесь нет* (А. Поляков). Встроенное отрицание в словах *небо* и *снег* актуализируется не только поэтами, но и философами, как в стихотворениях философов, так и в синкретических философских текстах: «Долго смотрю на зимнее уже, свинцовое, **снежное** (но **снега нет**) **небо**. Мелькают какие-то блестящие точки... Они – **неизвестно**, откуда и как, – **внезапно** появляются, не торопясь, но **неотвратно**, проплывают по кривой и – **неизвестно**, куда и как, – пропадают. А солнца **нет**» (Л. Карсавин). В поэзии XX в. регулярно актуализируется встроенное отрицание в слове *сонет*; восприятие слова *сонет* как содержащего встроенное отрицание ведет к отступлению от формы и предполагает приоритет отрицательности как таковой; вхождение отрицания в определение границ и семантики жанра определило его развитие в последней трети XX – в XXI в.

Значимой зоной конвергенции философского и поэтического текстов являются **дефисные образования**. Многие модели дефисного написания, популярные в поэзии второй половины XX в., пришли в поэзию через философию. Поэтический текст конца XX в. продолжает заимствовать дефисные модели философского текста и одновременно развивает дефисные модели параллельно и в какой-то степени независимо от философского текста. Появление дефисных образований в языке философии и поэзии объясняется стремлением найти идеальную (или более или менее адекватную) диалектическую форму в языке; эта форма призвана быть воплощением

диалектического слияния прерывности и непрерывности, нерасчлененности и членения. Дефисные образования способны ликвидировать оппозицию статики и динамики, динамизировать понятие внутри самого развернутого дефисного термина, передать семантику «покоящегося движения», позволяют соотносить единичные понятия друг с другом; текст с дефисами помимо свойств концептуализации приобретает дополнительное свойство пересегментации, переосмысления границы слова и снятия оппозиции дискретности-континуальности. Дефис в философском тексте способен выступать как средство терминологизации «живого слова», в том числе как средство создания авторских философских терминов: «**“Жизнь-через-Смерть”** Бога – самая сильная идея Л. Карсавина» (К. Иванов), а также средством оперирования дальнейших философских и поэтических текстов с авторским термином. **Основная функция дефиса** в большей части вновь создаваемых образованиях (комплексах) как философского, так и поэтического текста – **концептуализирующая**, независимо от количества компонентов и независимо от выделяемых традиционно позиций дефиса: внутрисловной, разделяющей, или межсловной, объединяющей. Дефис, таким образом, выступает как средство образования единого понятийного комплекса вокруг центрального концептуализируемого компонента. В работе условно выделяются и описываются четырнадцать групп дефисных образований в зависимости от характера центрального концептуализируемого компонента, например, одного из корней в составе сложного слова или сращения: «в **много-образном**» (В. Биbihин), **много-пытанная** (М. Цветаева), «**само-отношение**» (А. Ахутин), **само-возражение** (Н. Искренко); центрального местоименного компонента: «**я-объект**» (В. Эрн), «**я-прошлое и я-настоящее**» (В. Подорога), **я-Мысль** (Г. Айги); центрального наречного компонента в составе дефисных образований по модели «Adv. + N» (или «N + Adv.»): «**вдруг-заброшенность**» (Г. Батищев); «**движение-вдруг**» (В. Подорога), «**уже-сознание**» (Ф. Гиренок), **тут-свет** (К. Щербино), **ниоткуда-человек** (М. Цветаева), **давно-человек** (Г. Айги) и др.

Для философского и поэтического текстов характерна **местоименная ориентированность**, которая объясняется прежде всего исключительной потенцией местоимений концептуализировать референциальную семантику. Местоименная ориентированность становится одним из оснований конвергенции, конкретными проявлениями которой являются концептуализация личных и отрицательных местоимений, функционирование местоименных парадигм, образование отместоименных окказиональных слов, появление «местоименных текстов», в том числе предельных высказываний, состоящих преимущественно или исключительно из местоимений, и др.: «неопределенное “нечто” или “все”, которое есть по существу нечто совсем иное, чем любое определенное “что-то”, “это” или “то”» (С. Франк); *Это есть*

Это. / То есть То. / Это не есть Это. / Остальное либо это, либо не это (Д. Хармс); *А это – не то совершенно, а то – непонятно* (А. Афанасьева). Наделение местоимения атрибутами в препозиции, в том числе местоименными атрибутами, модель, регулярная для философского текста, появляется в поэтическом тексте под влиянием философского: «мировое всё» (С. Булгаков); *властное ничто* (В. Хлебников); *московское ничто* (П. Андрукович); «это “нечто”» (И. Ильин); *И это Все / Еще не ВСЕ* (Г. Сапгир).

В поэтическом тексте для *я* как понятия, так же как и в философском, характерны следующие грамматические признаки: несклоняемость, сочетаемость с третьим лицом глагола, сочетаемость с определениями среднего рода, сочетаемость с прилагательными и глаголами во множественном числе: «сознание, принадлежащее только я» (Г. Шпет); *Между Я и Явью* (П. Грушко); *к тебе всплывает «я»* (Г. Сапгир); «убеждение в реальности “чужих я”» (В. Зеньковский); *Условные и временные «Я» / Даны от Бога напрокат* (Е. Шварц). Сходными признаками наделяется и местоимение *ничто*: «нашего соседства с ничто» (В. Биbihин); *до осязания созвучий / роняемых тобою из ничто* (В. Тарасов). Основной моделью трансформации *я* в философских и поэтических текстах XX – XXI в. является оппозиция *я* как понятия и реального *я* говорящего или их совмещение. В совмещении понятия и реального *я* актуализируется оппозиция склоняемого и несклоняемого *я*, что, в частности, может подразумевать переключение первого лица в третье и обратно: «любовь, моя мысль, мое намерение суть *мои*, но они – не сам **Я**. **Я** их имеет, как ведро содержит в себе воду. Но ведро – не вода» (А. Лосев); *Бессилен я... / ... / Тогда восстанет жизнь моя иною. / Уж умирает я мое...* (Л. Карсавин); *вижу в шиле шушность я / ты мой дух не оскверни / потому что скушность я* (Д. Хармс).

Местоимение 2-го лица в варианте *Ты* и металицо *ты + Ты* – одна из центральных формул поэтики. Форма *Ты*, несмотря на то, что может однозначно указывать на Бога, сохраняет очень многие особенности *ты* как личного местоимения и, устанавливая иерархию, тем не менее маркирует сокращение дистанции между говорящим и адресатом. В ситуации совмещения *ты + Ты* один из референтов (*ты*) переменный, а другой (*Ты*) – постоянный. На соотношении постоянного и переменного референта строится местоименная поэтика целого ряда поэтических и философских текстов. В языке поэзии и философии *ты-Ты* – это своеобразная парадигма, которая реализуется в двух основных вариантах металица *ты + Ты*: *ты*, встроенное в *Ты* (*Ты*, содержащее *ты*) и *ты*, скрывающее (имплицитное) *Ты* (форма *ты*, обнаруживающая присутствие *Ты*). Форма *ты*, кодирующая *Ты*, *ты-посредник*, это обращение к любому сущностному адресату не только в поэтическом, но и в философском тексте. *Ты* также может функционировать в философских и поэтических текстах как понятие, однако семантические свойства *я* и *ты* при

концептуализации местоимений как понятий несимметричны: *ты* (и тем более *Ты*), в отличие от *я*, никогда не превращается до конца в понятие или в объект, всегда сохраняет семантизированную прагматику живого отношения и соотносится с коммуникацией, пусть и концептуализированной; не происходит полной утраты или даже может актуализироваться ситуация обращения.

Философские и поэтические тексты реализуют некую потребность языка в несклоняемости, противопоставленной склоняемости: *отвернись к отсутствующей стене / перестав быть ничем став ничто* (Д. Давыдов). Склоняемость может мыслиться как подчеркнутая объектность и функциональность, в результате чего в предложно-падежных конструкциях с несклоняемыми местоимениями *ты*, *ничто* семантически нагруженным становится как сам факт несклоняемости, так и совмещение онтологической семантики номинатива и семантики косвенного падежа: «Мне очень не хватает соборности, но мне кажется, что мои вещи написаны для **ты**» (Я. Друскин); «Откровение “**ты**”» (С. Франк); «Встреча с “**Ты**”» (Н. Мотрошилова).

Характерным этапом развития поэтики *ничто* во второй половине XX – начале XXI в. становится активное освоение семантики *ничего* не как отрицательной формы, противопоставленной *ничто*, а как потенциального второго варианта несклоняемого *ничто*, причем в поэзии последних десятилетий наблюдается относительная экспансия несклоняемой формы *ничего*: *Взгляни сюда – здесь нету ничего! / ... / где нету ничего, там есть любое, / святое ничего там неубывно есть* (Л. Аронзон).

Важной зоной конвергенции философских и поэтических текстов является переосмысление семантики субъектно-объектных оппозиций, прежде всего «расшатывание» прямой субъектно-объектной оппозиции, что обуславливает особое внимание к таким формам, как **страдательные причастия** настоящего времени (формы на *-ем/-им*). Язык философии и поэзии убедительно мотивирует омонимию грамматических форм первого лица множественного числа глагола (*чувствуем*) и страдательного причастия настоящего времени (*чувствуемый*), актуализируя наличие в сознании современных носителей языка устойчивой связи между этими омонимическими формами: «Мое **видимо**, а то, что **видим**, – за **видимым**, придумано мною» (Я. Друскин); *воспоминанье **мним** как дерзость, за то **мы** и **палимы*** (А. Введенский). Подобная связь, имплицитно такого субъекта, как *мы*, делает возможным развитие этими формами такой семантики пространственных (или пространственно-посессивных) отношений, как пространственно-временная приобщенность (причастность), наряду с семантикой возможности и с семантикой непрямого воздействия. Формы на *-ем/-им* могут очень успешно развивать пространственную семантику нахождения, состояния «при чем-то», «при ком-то», то есть семантику *присутствия*. Форма на *-ем/-им* уникальна тем, что, будучи заново заимствованной современной поэзией из языка

философии уже с обновленной семантикой и субъектно-объектной структурой, осознается в поэтическом тексте как обладающая семантикой высокого, сакрального, но при этом не маркируется стилистически (являясь почти нейтральной).

Понятийная нагруженность форм на *-ем/-им*, прежде всего возможность выражения сакральной семантики, обуславливает их текстообразующую роль в языке поэзии и философии. Восстановление и актуализация глагольности в адъективированных причастиях на *-ем/-им* позволяет выявить взаимосвязь грамматической семантики с поисками философским и поэтическим текстами возможности выражения семантики *покоящегося движения*, семантики бесконечного и сакральной семантики присутствия: «Явление тайны... есть только такое **ее состояние**, когда она ясно **ощутима, представима, мыслима и сообщима**» (А. Лосев); «Всякое уразумение по существу своему есть не просто “участие”, а “соучастие”, “**сопричастие**” и “сопричастность”. Это само по себе уже есть новое **сознаваемое** в его единстве: **сознаваемое единство сознания**» (Г. Шпет); *и повторяемое солнце сентября // из поперечных улиц ослепляло* (В. Аристов); *и веруя пребуду я как хлеб // как пища – вся даруемо-раскрытая // для неба этого с его умом* (Г. Айги); *лишь Поливальная Машина // плывёт над городом, темна // и хорошо остановима* (А. Поляков); *сунется в воздух-сын вяжется в воздух-дух // медленно-недышим пустит корабль-вдох* (К. Щербино).

Как типологическая черта функционирования философской лексики и как зона конвергенции философских и поэтических текстов, рассматривается в работе явление **этимологизации**: «Основной червь, у насекомых прикрытый снаружи, вбирается внутрь у позвоночных животных: их *чрево* есть тот же червь не только в *этимологическом*, но и в *зоогеническом смысле*» (В. Соловьев); *Тоска Ионы / во чреве червленом / ... / кит – червь верченый / во чреве скит / червя время – / чрево* (К. Кедров). В философском и поэтическом текстах кроме чисто синхронной и чисто исторической этимологизации существует множество переходных и смешанных случаев этимологизации, в том числе исторической и произвольной, в которых исторический момент может иметь больший или меньший вес: *Слова на «го» обозначают нечто / возвышенное: / го-лова, го-ра, / го-лубизна, го-дина, го-рдость, го-сть. / И, значит – го-род, если на горе. / Давно не строят городов на горах. / На возвышеньях много ветра дует* (В. Соснора). Смешанные этимологизации неединичны в текстах А.Ф. Лосева, С.Л. Франка, Г.Г. Шпета, В. Подороги и др.; они являются одной из характерных черт идиостиля П. Флоренского. В поэтической и философской этимологизации происходит снятие оппозиции синхронии и диахронии; по отношению и к поэтической, и к философской этимологизации правильней говорить не о синхронности, а о синхронно-диахронной диффузности.

Этимологизация представляет собой феномен актуализации межуровневого взаимодействия. В языке философии и особенно в языке поэзии этимологизация тесно связана с такими смежными явлениями в области словообразования и грамматики, как актуализация внутренней формы слова, словообразовательная мотивация, анаграммы, паронимическая аттракция, однако не тождественна ни одному из них.

В работе рассматриваются разные типы этимологизаций, характерных как для философских, так и для поэтических текстов: множественная, множественная историческая, инверсивная, многоязычная, множественная многоязычная, множественная межъязыковая поэтико-философская этимологизации. Этимологизируемое слово для философа и поэта предстает в виде порожденной и порождающей модели одновременно; этимологизация обуславливает последующую деривацию.

В текстах второй половины XX – начала XXI в. распространяется модель одновременной концептуализации префикса и этимологизации корня. Предлог-префикс может выступать как произвольный этимон в поэтическом тексте. Значение предлога-префикса обособляется, концептуализируется, и выделяется сходный сегмент в корне слова, например, Айги выделяет значение *без-* как ‘значимое отсутствие чего-либо’ в корне слова *береза*, что поддерживается в тексте такими лексемами, как *безмолвие*, *убывание* и т.д.: *и чтоб стала потом – Благодарность-Безмолвье... – / ... о спокойствием равная / Солнцу / береза!.. / (словно дня убывание / в роце березовой)* (Г. Айги). Для подобной авторской этимологизации (или концептуализации) префиксов-предлогов можно использовать формулу «префикс-предлог – репрезентант существительного (имени)». Так, *без-/бес-* у Г. Шпета является репрезентантом авторского термина «бестиализм», в котором косвенным образом выделяется псевдопрефикс *бес-*: «Ему противостоит... **именно как замысел, – “высшее” познание, – почетное *asylum ignorantiae*, – бес-словесное, без-мысленное и бес-смысленное.** Учитывая **остаток**, который может образоваться в результате этих отрицаний, и принимая во внимание **биологические симпатии** негативистической гносеологии, мы можем остановиться на “**положительном**” термине **бестиализм** как на общей характеристике этого замысла» (Г. Шпет).

Можно выделить ряд слов, внутренняя форма которых регулярно переосмысливается и в философских, и в поэтических текстах. К словам, формантам и семантическим полям слов, которые подвергаются этимологизации не у единичного автора, относятся *Логос* (*логика*, *-логия*), *понятие* (*понимать*), *философия*, *время*, *существование* (*суть*, *сущность*) и др.: «Через Соловьева русский народ **логически** (т.е. **действием Логоса**) осознал свое призвание» (Вяч. Иванов); «Сократ, по поводу записанных Платоном **диалогов** своих, заметил: “сколько этот юноша **налгал** на меня”...

он, не задумываясь, **солгал**: сравнил себя с **патологией**, назвал себя полезным» (Л. Шестов).

Этимологизация отражает процесс конвергенции философского и поэтического текстов как в использовании сходных моделей и приемов, так и, что еще важнее, в том, что в философском тексте этимологизация представляется как особенность поэтического языка, а в поэтическом тексте – напротив, как философского.

Третья глава посвящена конвергенции философских и поэтических текстов на лексическом уровне. В главе выделяются типы философской лексики и основные философские лексемы, осваиваемые поэтическим текстом, называются способы оперирования философской лексикой в поэтическом тексте, определяются модели и пути конвергенции. Философская лексика – понятие более широкое, чем философский термин, так как помимо **специальных философских терминов** включает и **неспециальные философские лексемы** (неспециальные философские термины), авторские и неавторские, в том числе имена философов, названия известных философских текстов, популярные культурно-философские идиомы (*cogito ergo sum*). Под специальными философскими терминами в работе понимаются терминологические слова или словосочетания, которые маркируют принадлежность данного текста к философскому и в словарях даны с соответствующей лексикографической пометой (*трансцендентальный, имманентный, априори, акцидентный, пролегомены, абсолютный дух*). Специальная философская терминологическая лексика как тип составляет сравнительно небольшую лексическую группу и в собственно философском тексте, и в поэтических текстах, в которых они стилистически маркированы: *...Видишь ли, вообще-то / есть, а верней, должно быть нечто, Саш, / ну, скажем, трансцендентное... / ...Озарены вечерним светом / вода и крест, и опустевший пляж* (Т. Кибиров).

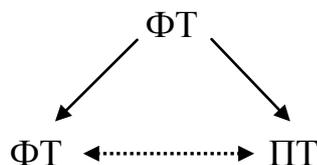
Под неспециальной философской лексикой имеются в виду общеупотребительные слова, частотность и ключевая роль которых в языке философских текстов значительно выше, чем в общенациональном языке, и которые, сохраняя полный семантический объем «живого слова», приращивают собственно философские значения (*истина, идея, иное, сущность, другой, бытие* и др.). Многие из этих слов исторически восходят к философским, религиозно-философским или теологическим текстам. В русской философской словесности как ключевые слова текста явно предпочитают неспециальные философские лексемы, они же более всего пригодны для освоения поэтическим текстом, так как они обладают потенциальностью расширения семантического объема и установления многообразных связей с нетерминологическими словами.

В работе выделяются и анализируются наиболее частотные лексемы неспециальной философской лексики, характерные для поэтических текстов,

это *бытие, сущее, сущность, существование, понятие, идея, единое, предмет, вещь, пустота, другой* и др.; эти лексемы с большой регулярностью осмысляются разными поэтами как философские термины, трансформируемые в поэтико-философские концепты, которые способны развивать в поэтическом тексте собственно философскую семантику, а не фигурировать как готовые термины. Освоение авторских философских терминов может происходить параллельно в философских и в поэтических текстах: так, авторский философский термин В. Соловьева *всеединство* является основанием для производства сходных образований, в том числе окказиональных, имплицитных исходный термин, используя как его структуру, так и отдельные лексемы: *всецелость* (В. Соловьев), *всеприсутствие* (Н. Лосский), *вселенскость*, *всечеловечество* (Н. Бердяев), *всекачественность* (С. Булгаков), *вселенность*, *всеохватность*, *всезаполнение* (Г. Айги). Отдельную группу неспециальных философских лексем, фигурирующих в поэтическом тексте, представляют «**имена философов**». Функционирование этих лексем связано с лингвокультурологическим фактором популярности имени того или иного философа в культуре, в частности, благодаря фонетическому облику его имени (фамилии) – *Кант, Кьеркегор, Шестов, Деррида: окончательный закон / встал над вами как балкон / говорил философ Кант: / я хотя не музыкант...* (А. Введенский); *хотел музыкант переделаться в Канта / но тут же его попросили обратно* (Г. Сапгир). Частотность появления имен философов, их авторских терминов и конкретной лексики, репрезентирующей культурно-философские мифологемы, значительно возрастает в поэзии второй половины XX в. – начале XXI в., в частности в текстах постмодерна; это свидетельствует о том, что определенные философские тексты стали восприниматься как обязательные тексты культуры: *садись придурок на пригорок / пиши придурок пейзаж / родной деревни Кьеркегорок* (В. Кривулин).

В главе также определяются модели конвергенции философских и поэтических текстов на лексическом уровне, прежде всего по отношению к неспециальной философской лексике.

Первая, основная, модель конвергенции на лексическом уровне подразумевает параллельное и взаимосвязанное функционирование в философских и поэтических текстах философских терминов, при сохранении и подтверждении их первоначальной принадлежности к философскому тексту и статуса философской лексемы¹:

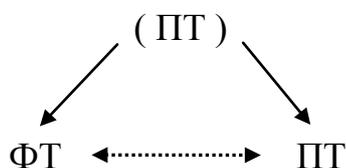
¹ В схемах использованы сокращения: ФТ – философский текст, ПТ – поэтический текст.

Например, лексема *бытие* относится к единицам философской лексики, постоянно определяемым и обладающим потенцией приращения семантического объема в дальнейших философских текстах. С другой стороны, поэтические тексты XX в. стремятся восстановить ранее утраченную словом *бытие* как поэтизмом философскую семантику: *как имя есть частное бытие / разрушая ткани / движение или функции / хирургическое вмешательство / обретает плоть* (А. Скидан), *Но встретились так / что бытие / размножилось / И стало два бытия / Хоть бытие – что здесь, что в Южной Калифорнии / по-видимому, множественного свойства / не имеет* (В. Аристов). В текстах экзистенциальной философии особо остро ощущается недостаток пары омонимов *инфинитив / существительное* (ср. немецкое *Sein*), или формы, способной выразить понятия *быть* и *бытие* одновременно, поэтому для текстов XX в. характерны попытки вернуть глагольность в понятие *бытие*, то есть репрезентировать его грамматическими формами и лексемами, совмещающими онтологическое значение имени и экзистенциальной глагольности. Важно отметить, что поэтический текст решает эти собственно философские задачи зачастую успешнее, чем философский текст: «полубытие прошедшего и будущего», «уже-не-бытие» и «еще-не-бытие» (С. Булгаков); *Во мне нет «будет», «были» ж побледнели* (Л. Карсавин); *Это быть то. / Тут быть там. / Это то, тут, там, быть. Я, Мы, Бог* (Д. Хармс); *где голосом я начинался – / быть – вселенной-ребенком: / был – ибо пелось и было* (Г. Айги).

Ряд устойчивых формул функционирования (или репрезентации) понятия *бытия* перенимается поэтическим текстом: *бытие и сущее*, сочетание лексем *бытие*, *сущее* и *мышление* (вариант – *мысль*), оппозиция *бытие / небытие*, подразумевающая присутствие обеих лексем в тексте и др. В языке поэзии и философии имеет место параллельная разработка префиксальных, постфиксальных, дефисных вариантов репрезентации понятия *бытие*: «*бытие-вот*», «*уже-бытие*» (В. Биbihин), «*со-здесьбытие*» (А. Михайлов), *в со-бытии-поступке* (Г. Батищев), *добытие* (Л. Аронзон), *недобытие* (В. Кривулин). Русские философские тексты второй половины XX в., пытаясь ввести в термин *бытие* антропологическое звучание, обращаются к поэтической традиции (А. Ахутин), которая в осмыслении лексем *бытиё* как оппозиции нормативному *бытие* пришла к семантике «личного бытия»: *Все предметы оживают // бытиё собой украшают* (Д. Хармс); *...Пока у нас совместное житье, / нам лучше, видно, вместе по причине / того, что бытиё...* «*Да не на “ё”! / Не бытиё, а бытие*» (И. Бродский).

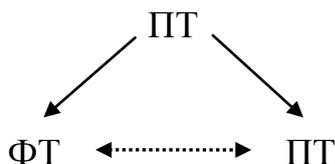
Вторая модель взаимодействия предполагает наличие метафоры (*бездна*, *мерцать*, *дыра*), которая затем параллельно осваивается философскими и поэтическими текстами, причем возможно обратное воздействие философски осмысленной метафоры на последующий поэтический текст. Поэтический образ, транслирующийся одновременно в философский и поэтический текст,

необязательно изначально возникает в поэтическом тексте, а может появляться и в философских, и в поэтических текстах одновременно и самостоятельно:

Например, метафора *дыра* традиционно используется философскими и поэтическими текстами в нетерминологическом значении: «ничто ощущается как мертвенная, зияющая дыра, как курносая смерть» (С. Булгаков), однако далее у обэриутов понятие *дыра* начинает трактоваться как встреча времени и пространства, при этом лексема *дыра* совмещает поэтическую метафору и философский термин, нуждающийся в развернутом («сплошном») определении: «Формы наглядного созерцания – время с пространством / встречаются в точке – дыре неба. / Щель – место в пространстве – дыра простая в небе» (Я. Друскин); *Я внезапно растворилось / Я дыра в стене домов / Сквозь меня душа пролилась. / Я форточка возвышенных умов* (Д. Хармс). Взаимотранслируемость образа-понятия *дыра* из философских в поэтические тексты и обратно, а также совмещение терминологичности поэтической метафоры и развернутой экспликации оказывает влияние на функционирование поэтико-философской лексемы в современных текстах: *...дырка как мир наяву / «Нет» как ясное «есть» вместо «был» или «не был»* (Д. Веденяпин).

Вариантом этой модели является осмысление философскими и поэтическими текстами авторского поэтико-философского концепта, взятого из текста конкретного поэта, при возможности дальнейшего взаимодействия поэтического и философского текстов:

Например, поэтико-философская метафора Р.-М. Рильке *первоначального шума-гула* осмысляется одновременно и независимо друг от друга поэтико-философским концептом *гула* у Г. Айги и философским термином *гул* в тексте В. Подороги.

Третья модель отношений философского и поэтического текста на лексическом уровне подразумевает параллельное и независимое развитие философской лексики философским и поэтическими текстами, при этом используются сходные лексемы, изначально не принадлежащие ни к философской, ни к поэтической лексике, относительно независимо формируются и функционируют философские понятия и поэтико-философские концепты, которые затем вступают в отношения взаимодействия. Философская концептуализация лексем складывается постепенно и параллельно в

философском и поэтическом текстах, образуя зоны схождения на определенном этапе:

ФТ ↔ ПТ

В работе эта модель подробно проиллюстрирована развитием философским и поэтическим текстами лексем *говорить-сказать* и *рождение и творчество*.

Все три модели учитывают различную степень обусловленности, в том числе и обратимой обусловленности, прямым и непрямым взаимодействием текстов.

Можно выделить **три основных пути освоения поэтическим текстом философской лексики и терминологии**, а также смешанные пути.

Первый путь, характерный для поэтики постмодерна, подразумевает объектный подход к философской лексике, акцентирование крайней терминологичности вводимого философского высказывания, данного в оппозиции как к общеупотребительной лексике, так и к подчеркнутым поэтизмам; создается намеренное семантико-стилистическое несоответствие между специальной философской терминологией и разговорной лексикой; активно используются интертекстуальные приемы, в том числе с целью выявить прямую отнесенность к утрированному философскому высказыванию, однако дальнейшего развития семантики термина не происходит.

Второй путь подразумевает апроприацию языком культуры популярных философских концептов и их дальнейшую трансляцию в поэтический текст, что не исключает функционирования и развития термина в качестве собственно философского. Этот путь становится характерным явлением начиная с 60-70-х гг. XX в. Философские термины не подвергаются философскому осмыслению, а заимствуются как некий замкнутый герметичный идиоматический комплекс (*здесь и сейчас, молчание, пустота, другой, начала и концы*), уже редуцированный в языке культуры. Интенция поэта направлена не на развитие глубинной семантики, а на развертывание ряда контекстов, множественно реализующих семантические валентности слова и на комбинаторное варьирование данного концепта уже как концепта культуры. Важно уточнить, что термин при этом может быть изначально авторским, и не исключено, что поэт может быть знаком с самим философским текстом, однако характер последнего, то есть его освоенность языком культуры, в какой-то степени предопределяет семантическую редукцию (сужение семантического объема понятия) и оперирование термином как популярным концептом. Характерным примером может служить функционирование лексемы *пустота*. Если сравнить тексты поэтов Серебряного века и поэтов 60–80-х с точки зрения частотности лексемы *пустота*, то осваиваемость популярного концепта поэтическим текстом второй половины XX в. становится очевидной: так, на 94100 слов Б. Пастернака и, соответственно, 99600 слов Г. Сапгира, лексема *пустота* у Б. Пастернака встречается 7 раз, а у Г. Сапгира 70 раз (но и у

Г. Айги на 54300 слов – 25 раз, что достаточно много). В конце XX – начале XXI в. интерес поэтических текстов к лексеме *пустота* остается исключительно высоким: *о я видел тебя / стекающей по тебе / утончённой невероятности пустоты / О ты тихая любовь к болезненному удлинению / начала непостижения* (А. Сен-Сеньков); *(как день седьмой, как царские врата), / и в нём, / возможно, трепетная пустота, / которой / не надо бы и вовсе отвечать* (М. Гейде); *С одной стороны листа – / Пустота. / ... / Сложи лист напополам: / Пустотой наружу, красотой внутрь. / ... / А я в пустоте той что-то забыл* (А. Гришаев); если в философском тексте семантика *пустоты* как чего-то неопределимого и поэтому определяющегося из самого себя диктует приоритет тавтологических конструкций: «По пустотам гуляю, / Множество пустот / И пустота пустоты» (Я. Друскин), то в современных поэтических текстах подобные конструкции превращаются в тиражируемый прием: *Имя – слово в пустой пустоте пустотелой* (А. Афанасьева).

Третий путь подразумевает осмысление в поэтическом тексте собственно философского термина как поэтико-философского концепта и развитие на этом основании семантики философского понятия поэтическим словом. Рефлексия над философской лексемой основывается на признании близости философского и поэтического слова и расширяет семантический объем философского понятия по аналогии с его развитием в философском тексте. Так, термин *категория* активно осваивается русской поэзией XX в., при этом регулярным является поэтическое осмысление терминологической лексемы и терминологических лексических сочетаний при помощи метафор чувственного восприятия или конкретной лексики, что ведет к расширению семантического объема, однако без утраты семантики философского термина: *И в шуме этих категорий / Займут по первенству куплет / Леса аджарского предгорья* (Б. Пастернак). Обэриуты разрабатывают собственно философское понятие *категории*: высказывание Д. Хармса *всегда наивысшая чистота категорий / пребывает в полном неведении окружающего. / И это, признаться, мне страшно нравится* развивает тему Г.В.Ф. Гегеля, воспринятую русским философским текстом: «**Вещь**, взятая как **чистая категория**, есть не что иное, как схема» (В. Эрн). А. Введенский, в свою очередь, сопрягая лексему *категория* с парадоксальной метафорой *рыбы*, развивает одну из своих основных философских тем – способность абстрактного понятия превращаться в конкретный предмет и наоборот. Из термина *категория*, таким образом, изымается генерализующая семантика: *на документах слово горе / гляди написано везде / и вижу сотни категорий / как рыбы плавают в воде* (А. Введенский).

В поэтическом тексте поэтико-философский концепт определяется всей длительностью поэтического текста и постоянно наполняется взаимосвязанными и, возможно, противоречивыми смыслами, расширяя семантический объем слова. Освоение философской лексики по третьему пути

также приводит к созданию новых поэтико-философских концептов, представляющих собой многоуровневые семантические структуры. В таком случае уже заново осмысленные поэтом лексемы могут стать объектом комментария следующего философа. Так, лексема *здесь* в одноименном стихотворении Г. Айги подробно комментируется А. Бадью, а поэтико-философский термин А. Введенского *обратно* становится темой философской рефлексии Я. Друскина.

В работе философская лексика также рассматривается как характерная черта идиостиля отдельного автора (на примере неоплатонистических концептов в поэзии Г. Айги). Вариантом функционирования философской лексики в поэтическом тексте по третьему пути является превращение в результате авторской поэтической концептуализации философского понятия в идеологему, то есть понятие не следует принципу «оставить», а стремится полностью или частично отбросить предыдущее развитие авторской семантики в философских текстах и установить новую, обязательную, интерпретацию термина (понятие *единое / единица* в идиостиле В. Хлебникова).

Феномен **коллективного идиолекта** является примером сознательной стратегии на сближение философского и поэтического языка и демонстрирует предельное выражение конвергенции текстов. Коллективный идиолект представлен в культуре XX в. философско-поэтическим идиолектом обэриутов (Д. Хармса, А. Введенского, Я. Друскина, Л. Липавского и др.), выдвинувших в качестве одной из своих основных задач сближение философии и поэзии. Коллективный идиолект – это язык тесного сообщества, представляющий собой своеобразную подсистему, формирующуюся внутри национального философского и поэтического языка своего времени и отвечающую критерию опознаваемости авторства, но коллективного авторства. В рамках одного коллективного идиолекта конвергенция происходит на всех уровнях, подразумевая как движение от поэтического текста к философскому, так и обратно. Коллективный идиолект обэриутов отличается особенностями трактовки специальной (*категория, идеальный, цисфинитный*) философской лексики и неспециальных философских лексем (*вещь, предмет, понятие*) и созданием «авторских коллективных терминов» (*вестник, равновесие, всё, это, то*), которые обладают свойствами и философского термина, и поэтико-философского концепта. Термины обладают свойством взаимотранслируемости из философского в поэтический текст и обратно, причем приоритет появления лексемы в поэтическом или философском тексте является несущественным. Типологическими признаками коллективного идиолекта обэриутов нужно также считать обратимость абстрактных категорий в конкретные имена, создание местоименных текстов, заимствование структурных моделей организации философского текста поэтическим текстом, выработка параллельных приемов и появление сходно организованных сегментов текста, а

также возникновение синкретических текстов (трактаты, написанные как поэтами, так и философами, как в прозе, так и в стихах).

В четвертой главе, посвященной конвергенции текстовых структур, рассматривается включение в поэтический текст конструкций, характерных для философского текста: *Меняется делаться главное что-то, / не просто всё это, а то-то и то-то; / и я понимаю, что я понимаю / не то, что понятно, а что понимаю* (А. Поляков), а также сходство в принципах построения поэтических и философских текстов, связанное с задачей преодоления системной инерционности синтаксического мышления и поиском философами структурной свободы текста: «А все “потому что”, заключительные “итак”, даже простые “и” и иные невинные союзы, посредством которых разрозненные добытые суждения связываются в “стройную” цепь размышления. – Боже, какими беспощадными тиранами оказались они! Я увидел, что так писать – для меня по крайней мере – невозможно» (Л. Шестов). Стихотворный текст имеет несколько большие возможности репрезентировать философский термин или философскую лексему в динамике; в философском тексте недостаток этих возможностей компенсируется собственными приемами, например густотой ряда с повтором корневой морфемы: «Слово есть мир, ибо это он себя мыслит и говорит, однако мир не есть слово; точнее, не есть только слово» (С. Булгаков), «мир не-я, (весь мир не-Я, включая и Бога, если Он есть) познается так же непосредственно, как мир Я» (Н. Лосский). Сходный поэтико-философский текст Д. Хармса при помощи вертикальных связей (анафорических и конца-начала строчки) способен установить сложное и динамическое соотношение лексем мир и я: *Но мир это не я. / Хотя в то же время, я мир. / А мир не я. / А я мир. / А мир не я. / А я мир. / А мир не я. / А я мир / И больше я ничего не думал* (Д. Хармс). Внутритекстовое стихотворение Н. Федорова также использует вертикальное членение текста, параллелизм, повторы, при этом философу удается минимальными средствами построить сложные терминологические и понятийные (*не мир – вне мира – ни в мире, ни вне мира – мир не мир*) связи, избегая громоздких подчинительных конструкций:

Почему мир не мир?

почему для одних мир – только вне мира,

а для других нет мира ни в мире, ни вне мира? (Н. Федоров).

В главе также анализируются ритмическое членение, акцентирование сильных позиций, повторы и усиление вертикальных связей, актуализирующих межуровневое взаимодействие.

В процессе конвергенции появляется целый ряд переходных и синкретических текстов. Определяющими признаками философско-поэтического синкретического текста являются, прежде всего, его ритмическая и графическая организация, нелинейная, в частности вертикальная, организация

текста и обращенность «я-текста». В качестве примеров философско-поэтических текстов в главе подробно анализируются «Поэма о смерти» Л. Карсавина, «Космология духа. Попытка установить в общих чертах объективную роль мыслящей материи в системе мирового взаимодействия. Философско-поэтическая фантазмагория, опирающаяся на принципы диалектического материализма» Э. Ильенкова и др., внутритекстовые и самостоятельные стихотворения философов. Прием включения собственного стихотворного текста не ограничивается синкретическими жанрами, а широко используется в философских дневниках, а также встречается в собственно философских текстах; в конце XIX – начале XX в. даже жанр философской диссертации допускал не только цитирование без сносок стихотворений других поэтов, но и инкорпорирование собственных стихотворных фрагментов. Например, диссертация В. Соловьева «Критика отвлеченных начал» включает строки из его стихотворения «Как в чистой лазури затихшего моря...», причем стихотворный фрагмент диссертации представляет собой не цитирование, а элемент целостного текста, в котором собственно философские задачи решаются и в прозе, и в стихах. Поэтический текст не является образной, метафорической иллюстрацией философского, но поэтический и философский текст связаны задачей раскрытия основных понятий *единое, духовное единство множественности, свобода, сила*: «Так и наш дух есть единое... ему одному принадлежащее... есть ничто положительное, которое... имеет силу над бытием, есть действительная свобода от него...

Свобода, неволя, покой и волненье

Проходят и снова **являются**.

А он все **один**, и в стихийном стремленьи

Лишь **сила** его **открывается**» (В. Соловьев).

Конвергенция поэтического и философского текстов отражается в **структурно-ритмической организации** философского текста, в его визуальном графическом ритме. Актуализируется структурно-семантическая общность строфы, параграфа и абзаца как ритмико-графических единиц, что позволяет рассматривать параграфы и абзацы в качестве строфоидов. В синкретическом тексте, прежде всего в философской поэме, роль абзацев-строф еще выше, причем выявляется явное типологическое сходство экспериментальных строфоидов поэтического и синкретического философского текста, например модификация версейной строфы. Ритм анафорического повтора в абзацах позволяет читать начала (а также межстрофные концы и начала в синкретических текстах) как единый связный текст: «**Мышление** при этом остается исторически преходящим эпизодом... // В отношении **материи** и **мышления** появляется действительная диалектика – взаимная обусловленность... // **Мышление** оказывается действительным атрибутом... // **Мышление** предстает в этом свете как не только самый высший и **прекрасный**

цвет **мироздания**, но и как цвет **небесплодный**... // **Смерть мыслящего духа** становится подлинно творческим актом... // **Смерть мыслящего духа** становится тем самым его **бессмертием**...» (Э. Ильенков), «154. Вижу Дитя... [начало] // 155. Так прислушивается мать... [начало] // 156. [конец] ...Великая Мать, Облеченная в Солнце. В ней ли или во мне самом рождается Дитя? // 157. [конец] ...Вижу Дитя, а в Нем – себя самого. Вижу Божью Плерому» (Л. Карсавин). Традиционные вводные слова и метаоператоры научного текста (*итак*), выступая в абсолютном начале последовательных абзацев, меняют свою функцию на анафорическую и становятся показателями ритма.

Средством структурной и структурно-ритмической организации философского текста является также графика. Философский текст обладает собственными графическими приемами: знак равенства, знак зачеркивания, модели с прописными буквами и др.; подобные приемы в поэтическом тексте могут быть обусловлены влиянием философского. Некоторые философские тексты обладают столь индивидуальными визуальными особенностями расположения на странице, что графику можно рассматривать как визуальную структурно-ритмическую организацию текста, что особенно очевидно на стадии предтекста:

Бог – подобен человеку

Мир – подобен Богу

следовательно, –

и, обратно,

мир – подобен человеку

человек – подобен миру.

(П. Флоренский).

Ритмико-графическое построение философского текста реализуется также в **оглавлении**, которое представляет самостоятельный текст, обладающий предельной цельностью и связностью и позволяющий представить всю работу (всю мысль) как единое целое, соотносимое с неким визуальным образом и графической репрезентацией семантики:

«I Вещь не есть не-вещь

1. Вещь не есть сознание вещи

2. Вещь не есть ни материал вещи, ни её форма,
ни соединение того и другого

3. Вещь не есть ни один из ее признаков, ни все её
признаки, взятые вместе

4. Я, мир и Бог также не суть их собственные признаки» (А.Лосев).

Под влиянием текстов апофатической религиозной философии, широко использующей построение текста при помощи ритмически организованного ряда отрицательных определений, возникают сходные построения в апофатической поэзии XX – начала XXI в. (А. Монастырский и др.); в этом случае ритмическое влияние исходит не от поэтического, а от философского текста.

В главе анализируется конвергенция структур заглавий и финального комплекса философских и поэтических текстов. Первоначально философский текст привлекает поэтические структуры в заглавия или подзаголовки; параллельным процессом является привлечение поэтическим текстом философского высказывания, его структуры или элементов в заглавие. Основные структурные типы заглавий философского текста представлены генитивными («Откровения смерти» Л. Шестова) или номинативными сочинительными конструкциями из двух отвлеченных существительных («Пути и средоточия» П. Флоренского), предложными конструкциями «о + N» («О сопротивлении злу силою» И. Ильина), абстрактными существительными («Зло» Н. Лосского), а также субстантивированными прилагательными или причастиями в номинативе («Уединенное» В. Розанова), инфинитивными конструкциями («Произносить и писать» В. Подороги) и др. В философском тексте конкретные существительные в позиции заглавия развивают семантику отвлеченности («Щель и грань» Я. Друскина). Поэтические заглавия, конвергентные философским, представлены заглавиями с прямым введением термина, с использованием неспециальной философской лексики, заглавиями, концептуализирующими местоимения и экзистенциальную лексику, заглавиями, названными философскими жанрами, псевдофилософскими заглавиями, построенными на имитации философского высказывания, и заглавиями популярным философским концептом. Для философского и поэтического текста, принадлежащего одному и тому же автору (В. Соловьев), характерны сходные модели заглавий. В коллективном идиолекте заглавия транслируются из философского текста в поэтический и обратно и формируются синкретичные модели заглавий.

Философский и поэтический тексты способны концептуализировать саму структуру текста, реализуя в заглавно-финальном комплексе совмещение семантики философского термина и семантики структуры текста (*конец, начало, всё*). Способность семантизировать границу текста (или внутренние границы) присуща как философским, так и поэтическим текстам.

Конвергенция текстовых структур языка поэзии и языка философии проявляется также в цитировании философским текстом поэтического, причем поэтический текст может выступать как способ структурирования философского. Поэтическая цитата в философском тексте может быть не дословной; фрагменты могут комбинироваться в произвольном порядке без

указания на модификацию оригинального текста; собственные стихотворения философа включаются в текст наравне с цитированием чужих текстов, причем и в том и в другом случае авторство не указывается. Обычным способом воспроизведения поэтического текста философом является цитирование по памяти, при этом могут быть значительные несовпадения с предтекстом поэтического оригинала. «Ошибки» при цитировании представляют собой типичное явление, которое вызвано апроприацией поэтического текста философом и приданием поэтическому или поэтико-философскому высказыванию характера философского.

Пограничное явление представляют собой тексты **записей** как кульминация близости двух непротиворечивых типов текста, поэтического и философского, обнаруживающейся на всех языковых уровнях. Особенности текста *записей* представляют собой важную характеристику идиостиля поэта (Г. Айги). Идеальная *запись* – это *мысль* (в том числе *мысль* как обозначение жанра), представляющая собой образ изначальной свернутости, по возможности не разворачивающая ее. *Запись* – это текст с установкой на *недоопределенность* при отсутствии установки на недосказанность, это тот текст, который оставляет за собой право вернуться, сказать, «оставить». *Запись* подразумевает открытую структуру текста, цельность на любой стадии его завершенности (на любом этапе свертывания-развертывания) или что целостность текста каждый раз репрезентирует иное целое: **ЗАПИСЬ** / *Есть воспоминания, которые / входят в нас – как / белый, ровный, чистый день – / в Мир. / 14.03.2003*; **ЗАПИСЬ** / *у деревьев одно постоянство / одна цельная жизнь / один – «с самого начала» – / вывод / одно есмь / зима 2003 г.*; **ЗАПИСЬ** / *никак не добраться / а ведь всегда пускали / 2002 – 2003 (?)*; **ЗАПИСЬ: АРОРНАТИС** / *К.Б. / а была бы ночь этого мира / огромна страшна как Господь-не-Открытый / такую бы надо выдерживать*; **ЗАПИСЬ** / *Уважение ко сну – это уважение / к человеку и уважение к Богу / 30 сент 1997* (Г. Айги). Поэтико-философская *запись* демонстрирует конвергенцию прозаического и стихотворного текста на стадии предтекста. Первоначальная стратегия подобного текста синкретична: для поэта *запись* мыслится как потенциальное стихотворение, а строчка из стихотворения – как потенциальная философская *запись*. Для читателя определяющим является кумулятивный эффект, позволяющий в ряду других *записей* воспринять как стихотворение предтекстовую (черновиковую, дневниковую) *запись*, практически идентичную по структуре записи в философском дневнике.

Философский комментарий поэтического текста представляет собой текст, в своем отказе от экспликации отличный от других видов комментария и демонстрирующий взаимодействие двух разных поэтик (философской и поэтической). Философский текст, инкорпорируя поэтический, стремится избавиться от роли метатекста; характер метаслов свидетельствует о том, что

философ признает за поэтической формулой способность быть развернутой в философскую мысль и рассматривает язык поэзии и язык философии как параллельные способы выражения, способные конвертироваться один в другой. Философский текст, отказываясь от роли метатекста, апроприирует чужую речь, превращая поэтический текст в свой собственный.

Для философского комментария исключительную важность приобретает трактовка поэтического текста как целого текста, оперирование с текстом как с единым понятием, трансляция отдельной поэтической строчки на весь текст, стремление «видеть» понятие, воспринимать слово-текст как нечто неразложимое и зримое, а также приравнивание текста к самому явлению (событию). В этом смысле философский комментарий противоположен филологическому, так как он непосредственно не направлен на анализ объекта, и, следовательно, неаддитивен.

В Заключении представлены основные выводы работы и намечаются дальнейшие перспективы исследования.

Закономерности конвергенции поэтического и философского текстов XX – XXI вв., раскрытые в работе на различных языковых уровнях, демонстрируют дополнительные возможности дальнейшего развития национального языка.

Основное содержание диссертации изложено в следующих публикациях:

Монографии:

1. *Азарова Н.М.* Язык философии и язык поэзии – движение навстречу (грамматика, лексика, текст). – М.: Логос / Гнозис, 2010. – 496 с. – 31 п.л.
2. *Азарова Н.М.* Типологический очерк языка русских философских текстов XX века. – М.: Логос / Гнозис, 2010. – 228 с. – 12 п.л.

Научные статьи в ведущих российских периодических изданиях, рекомендованных ВАК Министерства образования и науки РФ:

3. *Азарова Н.М.* Переводы «Феноменологии духа» Гегеля и язык русских философских текстов XX века // Известия РАН. Серия литературы и языка. – 2008, № 6, Т. 67. – С. 46-53. – 0,9 п.л.
4. *Азарова Н.М.* Философское высказывание в заглавном комплексе поэтического текста // Филологические науки. – 2008, № 2. – С. 66-76. – 0,65 п.л.
5. *Азарова Н.М.* Эволюция понятий *творчество* и *рождение* в русской поэзии и философии XX – XXI века // Филологические науки. – 2009, № 3. – С. 26-36. – 0,7 п.л.
6. *Азарова Н.М.* На границе философского и поэтического текста (из работы с архивом Г. Айги) // Новое литературное обозрение. – 2008, № 93. – С. 261-280. – 1,2 п.л.
7. *Азарова Н.М.* Велимир Хлебников. «В этот день голубых медведей...» (Лингвопоэтический анализ стихотворения) // Русский язык в школе. – 2007, №4. – С. 52-58. – 0,7 п.л.

8. *Азарова Н.М.* Местоимения «ты» и «Ты» в языке поэзии и философии // Сибирский филологический журнал. – 2008, №3. – С. 197-204. – 0,75 п.л.
9. *Азарова Н.М.* Имена философов в русской поэзии XX – XXI веков // Русская речь. – 2009, № 6. – С. 28-34. – 0,45 п.л.
10. *Азарова Н.М.* Философская лексика и терминология в поэтическом тексте XX века // Вестник Тамбовского университета. Сер.: Гуманитарные науки. – Тамбов, 2008. – Вып. 5(61). – С. 296-304. – 0,85 п.л.
11. *Азарова Н.М.* Этимологизация как конструктивный прием философских и поэтических текстов XX века // Преподаватель XXI век. – 2007, №3. – С. 87-93. – 0,5 п.л.
12. *Азарова Н.М.* Несклоняемость местоимений в русских философских и поэтических текстах второй половины XX – начала XXI в. // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. Серия «Филологические науки». – 2008, №7(31). – С. 95-99. – 0,4 п.л.
13. *Азарова Н.М.* Концептуализация слова-морфемы *не* в языке поэзии и философии // Вестник Поморского университета. Серия «Гуманитарные и социальные науки». – 2008, № 11. – С. 127-137. – 0,75 п.л.
14. *Азарова Н.М.* Семантика и формы «скользящего отрицания» в языке философии и поэзии // Вестник РГГУ. – 2010, Т.2, – С. 76-88. – 0,7 п.л.
15. *Азарова Н.М.* Стихотворения русских философов XX в. как особый феномен словесности // Русский язык за рубежом. Учебно-методический журнал МАПРЯЛ. – 2010, №1. – С. 81-88. – 0,6 п.л.

Статьи, учебные пособия, статьи в сборниках научных трудов, материалах конференций:

16. *Азарова Н.М.* Текст: Пособие по русской литературе XIX века. Часть 1. Рекомендовано к изданию Министерством образования РФ в качестве учебного пособия для гуманитарных школ, подготовительных курсов, преподавателей литературы средней школы и студентов высших учебных заведений // М.: «Век книги», 2003. – 512 с. – 20 п.л.
17. *Азарова Н.М.* Текст: Пособие по русской литературе XIX века. Часть 2 // М.: «Век книги», 2003. – 304 с. – 12 п.л.
18. *Azarova Natalia.* La Phénoménologie de l'Esprit de Hegel dans la traduction russe de G. Chpet et dans la traduction française de A. Kojève // Slavica Occitania. – 2008. – Numéro 26. – Université de Toulouse-Le Mirail. – С. 253-269. – 0,6 п.л.
19. *Азарова Н.М.* Местоименная поэтика Леонида Аронсона // Wiener Slawistischer Almanach. – 2008. Band 62. Мюнхен. – С. 165-179. – 0,8 п.л.
20. *Азарова Н.М.* Прием языковой и речевой этимологизации в русских философских и поэтических текстах XX-XXI вв. // Доклады и сообщения Международной конференции «Русский язык и литература в международном образовательном пространстве: современное состояние и перспективы»,

Гранада, 7-9 мая 2007 г. – Т.2. – Гранада – Санкт-Петербург: Издательский дом «МИРС», 2007. – С. 843-848. – 0,5 п.л.

21. *Азарова Н.М.* Типологическая близость русского философского и поэтического слова в текстах XX века // Мир русского слова и русское слово в мире. – Материалы XI конгресса МАПРЯЛ. Варна, 17-23 сентября 2007 г. – Т.3. – Sofia: Heron Press. 2007. – С. 279-286. – 0,5 п.л.

22. *Азарова Н.М.* Хлебниковская теория Зауми и политика единого языка // Авангард и идеология: русские примеры. – Белград: Филологический факультет, 2009 (Београд: Фото Футура). – С. 256-272. – 0,95 п.л.

23. *Азарова Н.М.* Поэтическая цитата в философском тексте // Проблемы поэтики и стиховедения: Мат. V Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. памяти и 70-летию докт. филол. наук, проф. В.В. Бадикова (15-16 октября 2009 г.) – Алматы: Искандер, 2009. – С. 501-506. – 0,35 п.л.

24. *Азарова Н.М.* Открытость поэтического текста для философского комментария // Художественный текст как динамическая система. Материалы международной научной конференции, посвященной 80-летию В.П. Григорьева. – М. «Управление технологиями». – 2006. С. 41-47. – 0,5 п.л.

25. *Азарова Н.М.* Грамматика отрицания и авангард // Логический анализ языка. Ассерция и негация. – М.: Издательство ИНДРИК, 2009. – С. 271-284. – 0,5 п.л.

26. *Азарова Н.М.* Рождение и творчество // Творчество вне традиционных классификаций гуманитарных наук: Материалы конференции. – М.-Калуга: ИП Кошелев А.Б. (Издательство «Эйдос»), 2008. – С. 148-163. – 0,9 п.л.

27. *Азарова Н.М.* Причастие причастием (формы на «-ем/-им» в философских и поэтических текстах XX-XXI вв.) // Лингвистика и поэтика в начале третьего тысячелетия // Материалы международной научной конференции (Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН. Москва, 24-28 мая 2007 г.). – М.: 2007. – С. 267-278. – 0,5 п.л.

28. *Азарова Н.М.* Грамматика онтологического обращения в русском философском и поэтическом дискурсе // Критика и семиотика. – 2008. Выпуск 12, Новосибирск: НГУ. – С. 155-164. – 0,7 п.л.

29. *Азарова Н.М.* Категория и понятие – неспецифические философские термины в поэтическом тексте // Язык как медиатор между знанием и искусством. Сборник докладов Международного научного семинара / Учреждение Российской академии наук. Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН. – М.: «Издательский центр «Азбуковник», 2009. – С. 107-116. – 0,65 п.л.

30. *Азарова Н.М.* Две странички Якова Друскина о хлебниковских «медведях» (поэтика философского комментария vs. поэтика поэтического текста) // Интерпретация и авангард: межвузовский сборник научных трудов. – Новосибирск: Изд. НГПУ, 2008. – С. 56-68. – 0,8 п.л.

31. *Азарова Н.М.* Португальские fados и концепт судьбы // Понятие судьбы в контексте разных культур. – М.: Наука. I полугодие 1994. – С. 278-283. – 0,5 п.л.
32. *Азарова Н.М.* Функционирование лексико-грамматических структур, характерных для философских текстов, в языке современной русской поэзии // Русский язык: исторические судьбы и современность: III Международный конгресс исследователей русского языка, (Москва, МГУ им. М.В. Ломоносова, филологический факультет, 20-23 марта 2007 г.): Труды и материалы. – М.: МАКС Пресс, 2007. – С. 635-636. – 0,3 п.л.
33. *Азарова Н.М.* «Ты + ты» в поэзии 60-х (Л.Аронзон, Г.Сапгир) // Поэтика и эстетика слова: Сборник научных статей памяти Виктора Петровича Григорьева. – М.: ЛЕНАНД, 2010. – С. 248-260. – 0,8 п.л.
34. *Азарова Н.М.* Стихотворение Хлебникова в разговорах обэриутов // Творчество Велимира Хлебникова и русская литература XX века: поэтика, текстология, традиции [Текст]: материалы X Международных Хлебниковских чтений. – Астрахань: Издательский дом «Астраханский университет», 2008. – С. 5-8. – 0,3 п.л.
35. *Азарова Н.М.* Импликация философской концептуальности в поэтических текстах Генриха Сапгира и Игоря Холина // Семантико-дискурсивные исследования языка: эксплицитность / имплицитность выражения смыслов. Материалы международной научной конференции. – Калининград: Изд-во РГУ им. И. Канта, 2006. – С. 255-263. – 0,5 п.л.
36. *Азарова Н.М.* Конвергенция философских и поэтических текстов XX века: Ален Бадью о русской поэзии // Проблема текста в гуманитарных исследованиях: Материалы научной конференции 16-17 июня 2006 года (МГУ им. М.В. Ломоносова, философский факультет). – М.: Издатель Савин С.А., 2006. – С. 4-6. – 0,25 п.л.
37. *Азарова Н.М.* Повторы и тавтологии как средство оценки адресата в философском и поэтическом дискурсе // Язык и мышление: Психологический и лингвистический аспекты. Материалы 6-ой Всероссийской научной конференции (Ульяновск, 17-20 мая 2006 г.). – М.; Ульяновск: Институт языкознания РАН; Ульяновский государственный университет, 2006. – С. 113-114. – 0,2 п.л.
38. *Азарова Н.М.* Семантика хлебниковской Единицы: историчность и актуальность // «Доски судьбы» Велимира Хлебникова: Тексты и контексты. Статьи и материалы. – М.: Три квадрата, 2008. – С. 321-341. – 1,1 п.л.
39. *Азарова Н.М.* Сонет как отрицательная форма в авангардной поэзии XX–XXI века // Литературно-художественный авангард в социокультурном пространстве российской провинции: история и современность: сборник статей участников международной научной конференции (Саратов, 9-11 октября, 2008 г.). – Саратов: Издательский центр «Наука», 2008. – С. 439-446. – 0,5 п.л.

40. *Азарова Н.М.* К проблеме освоения поэтической речью терминологических структур философской речи и философских понятий (на материале заглавий русских поэтических и философских текстов) // Система языка и языковое мышление. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. – С. 358-370. – 0,5 п.л.
41. *Азарова Н.М.* Основные модели взаимодействия философского и поэтического дискурса на уровне лексики (на материале русских философских и поэтических текстов второй половины XX – начала XXI века) // Активные процессы в различных типах дискурсов: функционирование единиц языка, социолекты, современные речевые жанры. Материалы международной конференции 19-21 июня 2009 года. – М. – Ярославль: Ремдер, 2009. – С. 13-23. – 0,7 п.л.
42. *Азарова Н.М.* Прием множественной многоязычной этимологизации в философских и поэтических текстах XX – XXI вв. // Активные процессы в современной лексике и фразеологии. Материалы международной конференции 8-9 июня 2007 года. – М.-Ярославль: Ремдер, 2007. – С. 15-18. – 0,3 п.л.
43. *Азарова Н.М.* Воспоминания о Ю.П. Солодубе // Активные процессы в современной лексике и фразеологии. Материалы международной конференции 8-9 июня 2007 года. – М.-Ярославль: Ремдер, 2007. – С. 275-276. – 0,1 п.л.
44. *Азарова Н.М.* Почему в философии и поэзии второй половины XX – начала XXI века личные местоимения перестают склоняться? // Активные процессы в современной грамматике. Материалы международной конференции 19-20 июня 2008. – М.-Ярославль: Ремдер, 2008. – С. 9-13. – 0,3 п.л.
45. *Азарова Н.М.* Отрицательные заглавия философских и поэтических текстов XX века // Структурно-семантическое описание единиц языка и речи. – М.: Прометей, 2006. – С. 292-302. – 0,6 п.л.
46. *Азарова Н.М.* К вопросу о взаимодействии философских и поэтических текстов в истории появления и распространения дефисных образований // Проблемы современного филологического образования. Межвузовский сборник научных статей. Выпуск 7. – М.-Ярославль: Ремдер, 2007. – С. 122-124. – 0,2 п.л.
47. *Азарова Н.М.* Поэзия Анны Альчук. Предисловие // Анна Альчук. «Не Бу» (стихи 2000 – 2004). – М.: Библиотека журнала «Футурум АРТ», 2005. – С. 3-10. – 0,4 п.л.
48. *Азарова Н.М.* Апофатическая теология и/или апофатическая поэзия // ТОПОС, литературно-философский журнал, 2006. – Статья: 29/05/2006. – <http://www.topos.ru/article/4707> – 0.6 п.л.
49. *Азарова Н.М.* «Говорить или / и сказать?» Сапгира на фоне параллельного развития концепта философским и поэтическим текстом XX века // Полилог: электронный научный журнал. Теория и практика современной литературы. Статьи. Исследования. Публикации. Эссе. Рецензии. 2009, № 2. – С. 30-35. http://polylogue.polutona.ru/upload/private/Polylogue_2_2009.pdf – 0.6 п.л.

50. *Азарова Н.М.* Неоплатонистические концепты в поэзии Геннадия Айги // АЙГИ. Материалы. Статьи. Эссе. – В двух томах. – Том первый. – Москва. Издательство «Вест-Консалтинг», 2006. – С. 71-83. – 0,7 п.л.
51. *Азарова Н.М.* Комментарий к комментарию: язык стихотворения Г. Айги «Здесь» как основание для философского комментария А. Бадью // АЙГИ. Материалы. Статьи. Эссе. – В двух томах. – Том второй. – М.: Издательство «Вест-Консалтинг», 2006. – С. 181-187. – 0,4 п.л.
52. *Азарова Н.М.* Стихотворение О. Мандельштама «Век» как источник усвоения поэтического языка языком философии // Филологический анализ текста: Сборник материалов межвузовской научно-практической конференции (Коломна, 12-13 апреля 2006 г.). – Коломна, 2006. – С. 70-76. – 0,5 п.л.
53. *Азарова Н.М.* Слово «ум» и понятие «ум» в поэзии Айги // Творчество Геннадия Айги: литературно-художественная традиция и неоавангард. Материалы международной конференции: Тезисы, статьи, эссе. – Чебоксары, 2009. – С. 49-52. – 0,2 п.л.
54. *Азарова Н.М.* «Говорить-сказать» в поэзии Г. Сапгира и И. Холина // Язык русской литературы XX века: Выпуск 3: сборник научных статей. – Ярославль: Изд-во ЯГПУ, 2006. – С. 201-211. – 0,6 п.л.
55. *Азарова Н.М.* Геннадий Айги в 2000-х // Арион. Журнал поэзии. 2007, №3(55). – Москва. – С. 93-94. – 0,1 п.л.
56. *Азарова Н.М.* Доски Судьбы: проекция на заумь // Альманах академии зауми. – Москва. – 2007. – С. 155-158. – 0,5 п.л.
57. *Азарова Н.М.* Синкретические поэтико-философские тексты // Русский язык в действии: Материалы Всероссийской науч.-практ. конф. – Глазов: ГГПИ, 2008. – С. 73-82. – 0,5 п.л.
58. *Азарова Н.М.* Семантика и функционирование страдательных причастий настоящего времени и форм на «-им / -ем» в русском философском тексте // Альманах современной науки и образования [Текст]. № 2(9): Языкознание и литературоведение в синхронии и диахронии и методика преподавания языка и литературы. – В 3 ч. – Ч.1. – Тамбов: «Грамота», 2008. – С. 13-17. – 0,6 п.л.
59. *Азарова Н.М.* ПОЭТ – ФИЛОСОФ – ПОЭТ (освоение философской лексики и терминологии как характерная черта идиостиля Геннадия Айги) // Кил. – 2008, № 4. – Шупашкар-Чебоксары. – С. 103-107. – 0,4 п.л.
- Работы по реконструкции и подготовке текста:**
60. *Азарова Н.М.* Геннадий Айги. Записи. Подготовка текстов Наталии Азаровой // Воздух. Журнал поэзии. – 2007, №1. – С. 35-37. – 0,2 п.л.
61. *Азарова Н.М.* Геннадий Айги. Из стихотворений и записей 2001-2003 годов. Подготовка текстов Н. Азаровой // Новое литературное обозрение. – 2006, № 79. – С. 199-200. – 0,1 п.л.

62. *Азарова Н.М.* Геннадий Айги. Из архивных материалов. Подготовка текста Н. Азаровой // Новое литературное обозрение. – 2008, № 93. – С. 281-285. – 0,1 п.л.

63. *Азарова Н.М.* Геннадий Айги. Подготовка текстов Наталии Азаровой // Арион. Журнал поэзии. №3 (55). – М., 2007. – С. 94-95. – 0,1 п.л.

A handwritten signature in black ink, appearing to read 'N. Azarova'.